

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ **ДРОНГО**

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

**ГРАН-ПРИ
для УБИЙЦЫ**

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Гран-При для убийцы

«PEN-клуб»

1998

Абдуллаев Ч. А.

Гран-При для убийцы / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1998 — (Дронго)

Всемирно известный террорист, не знающий жалости, теряет поддержку своих постоянных «партнеров» и в отместку за это «предательство» решает организовать крупномасштабный теракт. Никто не знает, где произойдет кровавая акция возмездия, но спецслужбы мира уже начинают принимать меры – в игру вступает Дронго, независимый эксперт и супераналитик, распутавший немало загадок.

© Абдуллаев Ч. А., 1998

© PEN-клуб, 1998

Содержание

Начало	5
Эр-Русейфа. Иордания. 11 февраля 1997 года	5
Бейрут. 13 февраля 1997 года	8
Париж. 14 марта 1997 года	11
Баку. 17 марта 1997 года	13
Тель-Авив. 18 марта 1997 года	16
Баку. 20 марта 1997 года	19
Часть первая	22
Москва. 24 марта 1997 года	22
Москва. 25 марта 1997 года	31
Севилья. 25 марта 1997 года	36
Москва. 25 марта 1997 года	39
Севилья. 25 марта 1997 года	43
Москва. 25 марта 1997 года	45
Баку. 28 марта 1997 года	48
Баку. 29 марта 1997 года	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Чингиз Абдуллаев

Гран-при для убийцы

Лучшему Другу на все времена – моему Отцу – с любовью и восхищением.

Начало

Эр-Русейфа. Иордания. 11 февраля 1997 года

К двухэтажному дому джип подъехал почти вплотную. Сидевший за рулем водитель вышел из машины, оглядываясь по сторонам. Оставшийся в джипе пассажир опустил правую руку, в которой держал израильский короткоствольный автомат «узи». Под ногами лежали готовые к бою гранаты. Они перекатывались внизу, как экзотические плоды, купленные на восточном базаре.

Водитель подошел к стоявшему рядом с домом второму джипу. Эта машина была гораздо меньше их собственной. Мужчина кивнул, увидев двух вооруженных охранников. Одного из них он знал в лицо.

– Все в порядке? – спросил по-арабски водитель.

– Да, – кивнул охранник, тоже узнавший подошедшего, – его ждут в доме.

Водитель повернулся и медленно направился к своей машине. Подойдя, он тихо сказал:

– Вас ждут.

Пассажир улыбнулся, положил автомат на сиденье водителя, наклонился, взял сразу три гранаты, сунул их в карманы, поправил пистолет, висевший в кобуре на ремне, и выпрыгнул из машины. Это был высокий, сравнительно молодой человек. Главным его отличием было отсутствие растительности на лице. Если у охранников и водителя усы и бороды соответствовали канонам строгих мусульманских правил, то этот был чисто выбрит, словно только что сошел с самолета, прилетевшего из Европы либо из Америки.

Гость оглянулся и поспешил к дому. Охранники, стоявшие у двери, кивнули ему, ни о чем не спрашивая. Войдя в дом, гость прищурился. Здесь было темновато, хотя лампы и освещали большую комнату в центре дома. Пришелец был одет в полувоенную форму, на ногах армейские ботинки. Навстречу ему поднялись двое мужчин. Один был в летах, явно под семьдесят. Другой помоложе, но и ему было не меньше пятидесяти.

– Приветствуем тебя, Ахмед Мурсал, – сказал старший.

– Привет и вам, – наклонил голову в уважительном поклоне приехавший.

– Ты можешь сесть, – показал на ковер старший, усаживаясь первым. Он был в традиционной арабской одежде. Другой уселся с ним рядом.

Гость сел, нетерпеливо дернулся.

– Как ты доехал? – вежливо осведомился старший.

– Плохо, – сказал, нарушая все нормы приличия, гость, – я приехал сюда, хаджи Карим, не для того, чтобы вести с вами учтивые беседы. Вчера в Иерусалиме должен был состояться новый взрыв. Я послал туда двоих моих людей. Они готовы были умереть за наше святое дело. Но мне сказали, что вы не дали своего разрешения и даже вернули их обратно. Признаюсь, я не поверил такому сообщению. Но когда мне передали, что это ваш личный приказ, я решил приехать сюда сам, чтобы разобраться в том, что происходит.

– Тебе передали все правильно, – спокойно сказал хаджи Карим, – я действительно приказал не выдавать взрывчатку твоим людям и не пускать их в еврейские кварталы Иерусалима.

– Я могу узнать – почему? – сдерживая гнев, спросил гость.

– Мне позвонили от очень уважаемых лиц, – неторопливо сказал хаджи Карим, – и если бы мне позвонил только один человек, то, клянусь Аллахом, я отказал бы любому, кроме Пророка, да будет благословенным имя его. Но сначала мне позвонили из Эр-Рияда, потом из Дамаска. И наконец, из Аммана. И все просили меня воздержаться от этих безумных акций. Пойми, Ахмед, что такие взрывы ничего не дают, кроме озлобления людей. Они еще больше отдаляют нашу мечту о мире, о собственном государстве.

– И это говорите вы? – вскочил на ноги гость. – Я не верю своим ушам.

– Мы должны учиться жить в мире, – твердо сказал старик, – иначе вечная война будет проклятием нашего народа. Ты этого хочешь, Ахмед Мурсал? Ты ведь не палестинец, тебе не понять, что мы чувствуем.

– Сначала мне запретили отомстить немцам, осудившим наших друзей в Берлине! – уже не сдерживаясь, закричал гость. – Теперь вы защищаете израильтян. Мир сошел с ума. Вы все безумцы.

– Как ты смеешь так говорить? – вскочил второй из сидевших на ковре людей. – Хаджи Карим – наш духовный лидер. Ты не смеешь называть его безумцем.

– Я все равно проведу свою акцию! – крикнул Ахмед Мурсал. – Все равно сделаю так, как решил.

– Нет, – твердо сказал хаджи Карим, – твои взрывы ничего не дают. Ты только напрасно губишь своих людей и людей другой веры.

– До свидания, – повернулся к ним спиной Ахмед Мурсал. – Я еще не ваш слуга, чтобы исполнять все ваши прихоти.

– Подожди, – остановил старик, – я знал, что ты будешь настаивать на своем, и поэтому решил убрать всю взрывчатку из известного тебе места. Не посылай туда больше людей, там ничего нет.

– Вы все предатели! – закричал в отчаянии Ахмед Мурсал, хватаясь за пистолет.

– Как ты смеешь нам угрожать? – возмутился стоявший рядом с хаджи Каримом его последователь и достал свое оружие. Ахмед Мурсал обладал более быстрой реакцией...

– Стойте! – крикнул хаджи, вставая между ними, и толкнул в сторону своего помощника. Раздался выстрел. Хаджи Карим рассеянно оглянулся, словно не понимая, кто именно стрелял, и медленно стал опускаться на ковер.

– Ты убил хаджи Карима! – прошептал в ужасе помощник, глядя на умирающего.

В ответ раздался еще один выстрел. Помощник пошатнулся, вторым выстрелом был добит и он.

– Предатели, – прошипел убийца.

Он резко повернулся и направился из комнаты. Выходя из дома, он столкнулся с двумя охранниками, спешившими в дом.

– Что случилось? – спросил один из них.

Вместо ответа Ахмед Мурсал выстрелил ему прямо в лицо. Второй поднял автомат, но сзади в спину ему выстрелил водитель, привезший Ахмеда. Охранник рухнул как подкошенный.

– Быстрее, – торопил Ахмед Мурсал, прыгая в машину, – уезжаем отсюда.

Увидев спешивших к ним людей от другого дома, стоявшего чуть в стороне, он помедлил немного и, вытащив гранату, бросил ее в их сторону. Раздался взрыв, послышались крики, проклятия.

Водитель рванул с места джип.

Один из охранников поднял голову и посмотрел вслед отъезжающей машине. Со всех сторон спешили к месту взрыва люди.

Бейрут. 13 февраля 1997 года

Только несколько лет относительно мирного существования позволили Бейруту снова начать отстраиваться, превращаясь в ту жемчужину Средиземноморья, которая славилась на весь мир. В городе постепенно восстанавливались старые здания, возводились новые, налаживалась мирная жизнь.

Он беспокойно оглянулся. Последний час ему все время казалось, что за ним наблюдают. На улице, как и в любом ливанском городе, было много людей, в основном мужчин. Найти в оживленной шумной толпе того, кто за ним следит, было достаточно трудно. Он еще раз оглянулся и резко свернул в переулок. Здесь было гораздо тише. Он быстро прошел дальше и снова свернул, на этот раз в небольшой тупик, заканчивающийся зелеными воротами. Торопливо постучав, он посмотрел на часы. Он прибыл вовремя. Дверца в воротах сразу открылась, и привратник, кивнув ему, показал в глубь двора.

Гость в традиционной арабской одежде поправил свой головной убор с черно-белым платком в клетку, который во всем мире называли «дизайн Арафата», и прошел к дому. Там его уже ждал хозяин, одетый в более привычную европейскую одежду. Они были знакомы достаточно давно и не стали тратить время на разного рода формальности.

– Что случилось? – спросил хозяин.

– Я все узнал, – тяжело дыша, сказал гость. – Я все узнал, – повторил он, усаживаясь на стул. – Ахмед Мурсал готовит новую акцию.

– Где?

– Не знаю. Но на этот раз не в Израиле. Он отбирает людей, знающих европейские языки.

– Где он сейчас?

– Неизвестно. Возможно, в Каире или в Дамаске. Никто никогда не знает, где он может быть в данный момент.

– Нам нужны более точные сведения. Постарайся узнать, где именно они готовят свою акцию.

– Это трудно. Он никому не доверяет. И никому заранее ничего не говорит. Я только понял, что на этот раз он попытается подставить иранцев, свалив на них ответственность за свой террористический акт.

– Почему?

– Он считает, что они его предали. Они запретили ему проведение новых актов в Германии и вообще в Европе. Он был очень недоволен их позицией. Во всяком случае, я понял, что они довольно сильно разошлись во взглядах.

– Это может быть тактическая уловка.

– Не думаю. Если правда то, что я сумел узнать, то его скоро начнут искать по всему миру сами палестинцы.

– Что случилось?

– Он убил хаджи Карима. Лично застрелил его несколько дней назад. Тот пытался предотвратить новую акцию в Иерусалиме, и тогда взбешенный Ахмед Мурсал застрелил его.

– Не может быть. Ты понимаешь, о чем говоришь? Ведь он становится отверженным и не сможет больше рассчитывать на помощь не только палестинцев, но и Ирана.

– Тем не менее все об этом говорят. Передай, что сведения точные. Я сам слышал, как многие клянутся отомстить убийце хаджи Карима.

– Но это может быть хорошо спланированная игра.

– Какая игра? Убитого похоронили по мусульманскому обычаю в тот же день. В такие игры они не играют. Покойник был слишком уважаемым человеком, чтобы подставлять его

в какую-то авантюру. Ты же знаешь, какое у них отношение к ушедшим. Нет, судя по всему, Ахмед Мурсал на этот раз сорвался и ему очень не повезло.

В этот момент в переулке появились трое, одетые в традиционные арабские одеяния. У мужчины в руках было небольшое покрывало, перекинутое через руку. Женщины были в парандже и семенили следом за мужчиной. Привратник, сидевший у дверей, увидел идущих по переулку незнакомцев с помощью телевизионной камеры, установленной на крыше здания. Он пригляделся. Мужчина шел впереди, а женщины, как и подобает, отставали от него на шаг. Привратник отвернулся от экрана, доставая бутерброд.

– Нам нужно знать все о его передвижениях и планах, – продолжал хозяин дома.

– Он мне до сих пор не доверяет. Он вообще никому не доверяет, – признался гость. – Но самое важное, что я узнал: он привез с собой какого-то специалиста, который хорошо владеет французским и английским языками. Это вам о чем-то говорит?

– Думаешь, он готовит что-то серьезное?

– Я уверен в этом.

Женщины остановились недалеко от дома. Внезапно одной из них стало плохо. Она медленно опустилась на камни. Другая бросилась ей на помощь. Мужчина растерянно оглянулся и шагнул к зеленым воротам, постучался и громко попросил воды. Привратник на экране видел то, что происходило на улице. Мужчина еще раз попросил воды. На Востоке не принято отказывать в воде. Он вздохнул, поправил висевший на поясе пистолет и, поднявшись, взял с собой стакан воды. Подойдя к воротам, он открыл тяжелую бронированную дверцу, способную выдержать выстрел из тяжелого пулемета, и протянул стакан мужчине.

– Мы никогда не могли к нему подобраться, – напомнил хозяин дома, – ты – наш единственный шанс. Пока тебя не раскрыли.

– Мне кажется, только пока, – возразил гость.

Привратник все протягивал стакан с водой.

– Наверное, от солнца, – предположил он.

К воротам подошла и женщина, которая оказывала помощь подруге.

– Спасибо, – сказала она. Откинула паранджу с головы, и привратник с ужасом увидел на лице незнакомки усы. Поднялась с земли и вторая женщина, впрочем, под женским одеянием тоже скрывался мужчина. В руках у обоих были автоматы. Первый мужчина выхватил пистолет. А потом «она» подняла свой автомат, и несколько выстрелов отбросили привратника в глубь двора. Стакан с водой упал и разбился. Трое ворвались во двор.

Сидевшие в доме люди вскочили на ноги.

– Уходи! – закричал хозяин дома, доставая пистолет. – Уходи, я их задержу.

– Нет, – возразил гость, – уходи ты. Они сумели меня вычислить. Это я их сюда привел.

К лестнице, ведущей со второго этажа, бросился охранник. Он несколько раз выстрелил в нападавших. Но сразу две автоматные очереди отбросили его к стене, и через мгновение он скатился по ступенькам вниз, оставляя кровавые следы.

– Быстрее! – торопил хозяин дома. – Беги туда, – показал он на заднюю дверь.

– Передай то, что я тебе сказал, – напомнил гость.

Нападавшие уже поднимались наверх. Хозяин дома взглянул своему гостю в лицо, пожал руку и, кивнув, бросился к другой двери. Гость достал пистолет, прицелился и, когда на мушке появилась цель, сделал несколько выстрелов. Один из нападавших покатился вниз.

Сразу раздались ответные выстрелы и крики. Гость глянул в сторону. С той стороны, куда убежал хозяин дома, тоже раздавались выстрелы. Очевидно, нападавших было не трое, а гораздо больше. И они блокировали дом. Он еще раз выстрелил. Один из нападающих боевиков в нелепой широкой юбке, которая путалась у него в ногах, как-то смешно взмахнул руками и упал.

И в этот момент гость почувствовал, что сзади кто-то вошел в комнату. Он оглянулся, и в этот миг длинная автоматная очередь прошла его тело. Он упал на пол и был еще жив, когда к нему подошел человек. Тот наклонился и посмотрел в глаза гостю. У него было круглое лицо, редкие черные волосы и небольшие усы, словно взятые из гримерной и наклеенные на физиономию, так как не подходили по размеру этой ухмыляющейся мордастой роже.

– Ты все-таки нас предал, – сказал незнакомец.

Гость пытался что-то ответить, но не сумел ничего произнести. Незнакомец усмехнулся и, подняв пистолет, выстрелил прямо в лицо раненому. Потом выпрямился.

– Найдите сбежавшего, – коротко приказал он, – и обыщите здесь все. А потом сожгите. И его тоже сожгите, – показал он на убитого. – Все равно предатели попадают в ад.

Париж. 14 марта 1997 года

– Мы завершаем подготовку к проведению юбилейного пятидесятого кинофестиваля в Каннах, – закончил конференцию председатель оргкомитета.

– Что вы можете сказать о жюри? – спросил журналист «ТВ-5».

– Пока достоверно известно, что председателем жюри будет наша соотечественница Изабель Аджани. С остальными мы обговариваем возможности сотрудничества. В ближайшие несколько дней они должны передать нам подтверждение своего согласия на участие в Каннском фестивале.

– Ожидается ли приезд голливудских звезд? – поинтересовался развязный американский журналист. – Кого именно вы ждете в гости?

– Свое согласие уже дали Брюс Уиллис, Деми Мур, Клинт Иствуд. Ожидаем приезда Ингмара Бергмана, если он, конечно, сможет приехать. Мы планируем открыть кинофестиваль премьерой французского фильма Люка Бессона «Пятый элемент». А уже затем состоится конкурсный показ фильмов. Надеемся, что отобранные ленты доставят удовольствие нашим зрителям и гостям.

– Приедут ли на фестиваль русские? – спросил чешский корреспондент. – Будут ли представлены фильмы России?

– Во внеконкурсной программе будет представлен новый фильм российского режиссера Алексея Балабанова «Брат», – любезно сообщил председатель оргкомитета, поднимая одну из лежавших перед ним на столе бумаг.

– В иранской прессе промелькнуло сообщение, что фильм Аббаса Кияростами, заявленный вами в конкурсной программе фестиваля, может быть не выпущен из страны, – заметил немецкий журналист. – Как вы относитесь к подобным сообщениям?

– С большим огорчением. Кияростами очень известный мастер, и мы надеемся, что иранские власти проявят должное понимание ситуации и разрешат представить иранское кино на нашем фестивале. В конце концов, от этого выигрывают все, в том числе и иранский кинематограф.

– Вы будете бойкотировать Иран в будущем, если они откажутся выпустить Кияростами в Канны? – не унимался немецкий тележурналист.

– В нашем лексиконе нет таких слов, как «бойкот», – улыбнулся председатель оргкомитета, – мы надеемся, что дело до этого не дойдет. До свидания, господа. Пресс-конференция окончена.

Журналисты поднялись, начали собирать микрофоны, блокноты, ручки. Помещение наполнилось гулом голосов. Немецкий журналист, задававший вопросы насчет Кияростами, подмигнул одному из американцев с карточкой «Ньюсуик», который находился среди журналистов, но вопросов не задавал.

– Обычный бардак, – самоуверенно сказал немец, – они все еще точно не знают, кто приедет в Канны.

– Да, – без тени улыбки ответил американец, – они все еще ничего не знают.

Журналисты начали выходить на улицу. Американец вышел одним из последних. Пройдя метров сто, он оглянулся по сторонам, достал мобильный телефон, набрал номер.

– Пока нет никаких подтверждений, – сказал американец.

– Может быть, мы ошибаемся? – спросил человек, которому он позвонил.

– Я не знаю. Пока у меня нет никаких фактов. Но, кажется, я догадываюсь, кто именно из наших ребят таскает «каштаны» для этих типов. Но пока ни в чем не уверен.

– Они что-то планируют, – уверенно сказал его собеседник, – ты когда собираешься полететь на Лазурный берег?

– Завтра.

– Правильно. Только будь осторожен. Не нужно рисковать. Если они что-то планируют, то обязательно как-то себя проявят. Мы в этом не сомневаемся.

– Я тоже, – сказал журналист с карточкой «Ньюсуик». Он убрал телефон, еще раз осмотрелся и заторопился к своему автомобилю, не замечая, что за ним внимательно следят из машины, припаркованной на другой стороне улицы. Американец перешел дорогу, доставая на ходу ключи. Телефон он положил в карман, благо он там вполне помещался, аппарат был небольшой.

Стоявшая недалеко машина медленно тронулась с места. Американец открыл дверцу своего автомобиля, наклонился, усаживаясь в кабину. Вспомнив про мобильный телефон, он вынул его из кармана и положил рядом с собой на переднее сиденье.

Машина с наблюдавшими за ним людьми медленно подъезжала. Это был серебристый «Фиат».

Американец обернулся, прикидывая расстояние, отделявшее его от стоящей позади машины. Места было достаточно. Он подал автомобиль чуть назад, еще раз оглянулся, готовый выехать.

«Фиат» поравнялся с ним. Американец сделал нетерпеливый жест рукой, разрешая проехать вперед и освободить ему дорогу. Именно в этот момент из окна «Фиата» высунулось дуло автомата с глушителем.

В последний момент американец схватился за телефон, как будто это могло спасти его. Раздалась короткая автоматная очередь, и он уткнулся в руль собственного автомобиля. «Фиат» мягко отъехал, его пассажиры смотрели перед собой, словно ничего не произошло.

Баку. 17 марта 1997 года

Март в Баку всегда бывает самым труднопредсказуемым. В этот месяц может произойти все что угодно, от обильного снегопада и проливных дождей до почти летней погоды, когда на улице можно появляться в легких рубашках. Правда, в последние годы небесная механика явно испортилась, и старожилы уверяли, что подобные мартовские частые холода – явление недоброе и тревожное.

В аэропорту Бина почти постоянно дуют сильные ветры, и в этот день, когда самолет голландской авиакомпании «КЛМ» пошел на посадку, один из сидевших у окна пассажиров невольно поежился, почувствовав, как трясет авиалайнер перед приземлением. Паспортные и таможенные процедуры не смущали. Пограничники и таможенники имели собственную гордость и предпочитали не трогать иностранцев, тем более прилетающих из экзотической Голландии. Пропустив иностранцев, они начинали особенно тщательно проверять соотечественников, коммерсантов из Турции и стран СНГ. Эти считались «своими» и, соответственно, обязаны были платить некоторую дань за провоз любых товаров и вообще ублажать всех встреченных на пути представителей власти.

Справедливости ради стоит отметить, что зарплата таможенников была не более десяти-двадцати долларов, а пограничники получали и того меньше. Правда, пограничники не имели и десятой доли тех доходов, которые получали таможенники. Почти каждый молодой человек мечтал устроиться в бакинскую таможню. Почти каждый счастливчик платил большие деньги за свое трудоустройство, и почти каждый сразу пытался начать «зарабатывать». Это удивительный феномен несоответствия заработной платы и прожиточного минимума, при котором люди, получавшие зарплату в десять долларов, могли прилично одеваться и кормить семью, а министры, получавшие тридцать-сорок долларов, не только отправляли своих отпрысков за рубеж, но и сами предпочитали отдыхать в самых экзотических странах и на самых престижных курортах. Более прилично выглядели депутаты, получавшие по двести-триста долларов. Но эту зарплату они устанавливали себе сами и, похоже, не смущались тем обстоятельством, что средняя зарплата по стране гораздо меньше, чем их собственные заработки. Хотя даже такая «высокая» зарплата в двести долларов не позволяла строить роскошные особняки, выезжать за рубеж и одеваться гораздо лучше западных коллег.

Впрочем, повальное фарисейство уже никого не удивляло. Так было не только в Азербайджане. Еще более смешная ситуация была в Грузии или Армении, где при гораздо меньших зарплатах число миллионеров-чиновников возрастало.

Гость прошел пограничный контроль. Виза, выданная в Бельгии местным посольством, была в полном порядке. Он не вызывал у пограничников никаких подозрений. Выйдя в зал ожидания и получив свой небольшой чемоданчик, он так же спокойно прошел мимо поста таможенного контроля, предъявив чемоданчик для досмотра. В нем не было ничего необычного. Рубашки, галстуки, книги, бумаги...

– Что это? – спросил один из таможенников, показывая на небольшой дорожный набор, в котором лежали ножницы и другие металлические предметы.

– Для маникюра, – пояснил гость, – там мои ножницы, ключи, брелоки от чемодана. Дорожный набор. – Он отвечал по-турецки, и таможенник его отлично понимал. Азербайджанский и турецкий языки почти идентичны.

Таможенник кивнул и разрешил все забрать. Гость улыбнулся, взял чемодан и вышел из зала. У входа его ждали двое, напряженно следившие, как он общается с таможенником.

– Все в порядке? – спросил один из встречавших.

Гость снял очки, поправил волосы, усмехнулся.

– Как обычно. Как дела у вас?

– Все готово. У нас нет проблем. Мы обо всем договорились. Но таможенники снова увеличили цену. Просят десять тысяч долларов.

– Это не деньги, – лениво сказал гость. – Это мы найдем. Когда ты прилетел в Баку?

– Вчера, – кивнул первый, мужчина лет сорока пяти, полный, лысеющий, с большим размятым носом, страдающий одышкой.

Все трое прошли к автомобилю. Молодой человек, усевшись за руль, положил чемоданчик гостя в багажник. В отличие от первого встречающего он был помоложе, ему было не больше тридцати лет. Острый кадык, зачесанные назад волосы, блестящие глаза, ровный прямой нос, упрямо-жесткие скулы. Из таких людей получались фанатики и герои. Молодой человек не чувствовал себя ни тем, ни другим. Он просто сел за руль автомобиля, и автомобиль выехал со стоянки.

Это была обычная белая «Хонда», каких в городе стало в последние годы довольно много. Город вообще неузнаваемо менялся. В отличие от Тбилиси и Еревана капитализация Баку шла полным ходом. Это был самый капиталистический город на Кавказе. Роскошные супермаркеты и рестораны, казино и отели возникали как грибы после дождя. Открывались все новые посольства, филиалы самых известных мировых компаний. На запах нефти и денег в город устремлялись тысячи авантюристов, мошенников, проходимцев. Вместе с ними сюда начали приезжать деловые люди, бизнесмены, банкиры, коммерсанты. От Маргарет Тэтчер до Збигнева Бжезинского, каждый стремился застолбить участок для деятельности своей компании. За бизнесменов своих стран не стеснялись просить президенты Америки и Франции, премьеры Великобритании и Германии. Это был настоящий Клондайк. Это было место на земле, где за одну ночь можно было стать миллионером, заработав миллион долларов. И потому этот город стал последней надеждой авантюристов всего мира.

Но этот гость не был авантюристом. А если и был, то был игроком мирового класса, не разменивающимся даже на такую сумму, как миллион долларов. Приехавшего звали Анвер Махмуд, по документам он был канадским гражданином турецкого происхождения. Но лишь по документам. Его настоящее имя было внесено во все информационные списки Интерпола как имя одного из самых известных и самых беспощадных преступников, орудующих в цивилизованном мире. Это был Ахмед Мурсал, террорист, входящий в число тех, кого разыскивали по всему миру.

Встречавшие его люди приехали в аэропорт, используя собственные документы. Первый из них, мужчина уже в годах, был приехавший из Турции бизнесмен Натиг Кур. Второй был азербайджанцем, местным жителем, и никогда раньше не видел гостя. Его звали Ильяс Мансимов. Раньше он работал в таможне, но был уволен оттуда после очередной смены руководства. И теперь вел самостоятельный бизнес как партнер своего турецкого компаньона.

Ильяс Мансимов знал гостя только под именем Анвера Махмуда. Он был осведомлен, а о многом и догадывался, приехавшему вряд ли потребовалось бы исповедоваться о своей жизни. В отличие от его молодого напарника Натигу Куру было известно настоящее имя гостя, с которым он познакомился несколько лет назад в Германии, но и он предпочитал делать вид, что никогда не слышал этого имени. Оно для него не существовало, он его просто забыл, чтобы спокойнее спать по ночам.

Мансимов, конечно, догадывался о том, что под маской приезжего скрывается другой человек, но тоже предпочитал не задавать лишних вопросов. В конце концов, так было спокойнее для всех. Кроме того, прибывший из Голландии канадский бизнесмен готов был оплатить получаемый товар весьма щедро. И переправить его в Европу для транспортировки в Канаду. Ильяс не знал, какой это товар и для чего он нужен. Его интересовала только сумма, которую гость готов был заплатить за него. А тот, судя по всему, скупиться не собирался.

Ильяс, используя свои старые связи в таможне, уже договорился с кем нужно, чтобы груз дважды пропустили. Сначала, когда он придет из России, а потом, когда его нужно будет

отправлять в Европу. Груз был не такой большой, всего несколько ящиков, но Ильяс собирался заработать на этой операции большие деньги. В его представлении все приезжавшие в Баку бизнесмены были прежде всего бессовестными коммерсантами, готовыми выжать любую прибыль из создавшейся ситуации. А с такими церемониться не стоило. Именно поэтому он поднял сумму за собственные услуги в два раза. Таможенники хотели получить за все не больше пяти тысяч. Но еще столько же хотел получить и сам Ильяс. И это не считая дополнительных десяти тысяч долларов, обещанных ему в качестве премиальных за надежную доставку груза.

«Интересно, – думал Ильяс, – какого рода товар у этих проходимцев, если они готовы платить такие деньги?» Для себя он уже сделал некоторые выводы и собирался проверить их во время нахождения груза на бакинской таможне. Но пока они ехали в автомобиле, он предпочитал молчать, прислушиваясь к разговору этих турок. Чтобы обеспечить полную безопасность груза, они даже отказались от услуг водителя Натига Кура, и теперь сам Ильяс вынужден был сидеть за рулем. «Впрочем, это и к лучшему, – успокаивал себя Ильяс. – Иначе о пришедшем в Баку грузе знало бы слишком много людей».

– Куда мы едем? – спросил гость. – В отель?

– Нет, – быстро отозвался Натиг Кур, – я снял для вас квартиру. Думаю, вам будет удобнее на квартире. У нас здесь многие так делают. В отелях жить очень дорого. Простой номер в «Хаят Редженси» или в «Европе» стоит больше двухсот долларов.

– Мне все равно, – равнодушно ответил гость, – а квартира в центре?

– Конечно, в центре, – оживился Натиг, – можете не беспокоиться.

– Когда должен прийти груз? – спросил гость, уже обращаясь к Ильясу.

Тот повернул голову и ленивым голосом ответил:

– Завтра ваш груз будет в Баку. Самолет вылетает из Челябинска в Москву только завтра. Если, конечно, его не задержат в России, на их таможне.

– Не задержат, – быстро сказал гость, – там все документы в порядке.

– Тогда не волнуйтесь, – усмехнулся Ильяс, – все пройдет как нужно. Все оформим как полагается. Послезавтра груз будет у нас. А уже через два дня вы сможете вылететь обратно в Голландию. Я подготовил все документы.

– Очень хорошо, – кивнул гость. Он полез в карман за сигаретами. Это были элитарные сигареты «Картъе». Натиг Кур обратил внимание на это, но гость, закулив, не предложил их сидевшему рядом бизнесмену и тем более не стал спрашивать разрешения у водителя.

– Груз привезете лично? – еще раз уточнил гость.

– Да. Три ящика из Москвы, – кивнул Натиг Кур. В отличие от своего молодого коллеги он хорошо знал, что именно транспортируют в Баку из Москвы.

– Завтра утром я полечу в Москву, встречу груз из Челябинска и на следующий день утром провезу его через таможню, – уточнил Натиг Кур. – Мы оформим груз по категории «VIP», проведем при помощи нашего друга. У него дипломатический паспорт, и его груз не подлежит досмотру согласно существующим договоренностям в рамках стран СНГ.

– Хорошо, – одобрил гость, выбрасывая сигарету в окно, – подождем два дня.

Тель-Авив. 18 марта 1997 года

– Этот сукин сын убил нашего агента в Париже, – гневно заметил один из троих мужчин, сидевший за столом. – Месяц назад он организовал нападение на нашу резидентуру в Бейруте. Если пойдет так дальше, то скоро он появится и в Тель-Авиве.

Говорившему было за пятьдесят лет. Это был крупный коренастый мужчина. Он хмуро глядел на сидевших перед ним собеседников.

– Нет, – угрюмо возразил другой, чуть помоложе, – мы убеждены, что он сейчас в Европе. После Парижа наверняка покинул Францию, но пока не покинул Европу.

– В любом случае нам нужно знать, куда он поехал, как передвигается и что именно замышляет, – перебил его пожилой собеседник, который был хозяином кабинета.

– По сообщениям из Бейрута, он готовит новую акцию, – осторожно заметил самый молодой, – и на этот раз она может состояться в Европе. Он очень осторожно отбирает в свою группу людей, хорошо владеющих французским и английским языками, из чего наш агент сделал предположение, что готовящийся террористический акт состоится в Европе.

– Он может состояться где угодно, – возразил хозяин кабинета, – если мы не сумеем заранее вычислить, где он собирается нанести удар, мы не успеем его остановить. У него дьявольское чувство опасности. Он чует посторонних, как волк чует запах собак. Генерал, у вас есть конкретный план мероприятий?

– Мы предупредили все наши посольства и представительства, – ответил один из его подчиненных, – задействована вся наша агентура в Европе и на Ближнем Востоке. Считаем, что на этот раз он собирается придумать нечто такое, что могло бы одновременно нанести удар по нашей стране и сильно подставить иранцев, с которыми у него произошел разрыв.

– Данные о разрыве точные?

– Во всяком случае, «Хезболлах» заявил, что отныне не имеет с ним никаких дел. От него отреклись и все остальные группировки. Он возражал против решения палестинских группировок, которые решили подчиниться приказу Арафата и на время приостановить свои террористические акты. Узнав об этом, он лично застрелил хаджи Карима, и теперь его одинаково преследуют и наши агенты, и палестинцы, взбешенные убийством одного из своих лидеров.

– В таком положении он особенно опасен, – задумчиво сказал хозяин кабинета, – он очень опасен. И если мы не примем меры, то, вполне вероятно, столкнемся с самой большой проблемой, которая у нас когда-либо существовала.

– Он порвал со всеми прежними друзьями, резко оборвал все связи, – пояснил генерал, к которому обращался хозяин кабинета, – прежнюю сеть палестинского сопротивления мы держали под некоторым контролем, в том числе и в Европе. Но как искать человека, который не выходит на прежние явки и ни с кем не встречается? Где его найти? Откуда он будет получать оружие и взрывчатку для новых террористических актов, если он утратит все прежние связи? С ним остались несколько человек его ближайшего окружения. Мы делаем все, чтобы разыскать его. Надеюсь, он даст о себе знать.

– Сегодня утром мы получили данные от нашего посольства в Голландии. Они традиционно ведут наблюдение за рейсами компании «КЛИМ», которые летают по маршруту Амстердам – Баку – Тегеран. Наш агент, работающий в аэропорту, передает нам списки всех прибывающих и отбывающих в Тегеран людей, их паспортные данные. До сегодняшнего дня мы не обращали внимания на пассажиров, которые летели в Баку, считая, что нас должны интересовать только те лица, конечным пунктом путешествия которых является Тегеран. Но утром наш аналитический отдел проверил весь полученный список по данным, заложенным в наш компьютер, – хозяин кабинета поднял лист бумаги, – вот сообщение. Один из номеров паспортов, указанных в списке вылетевших вчера пассажиров, совпал с одним из тех, которые мы потеряли два года

назад в Иордании. Канадский паспорт. Серия и номер сходятся. Правда, фамилия изменена. Человек, путешествующий с паспортом под этим номером, вылетел вчера днем рейсом авиакомпании «КЛМ». Но не в Тегеран, а в Баку. У нас есть все основания предполагать, что после убийства нашего агента в Париже он выехал в Голландию и оттуда вылетел в Баку. Конечно, это может быть и другой человек, но паспорта тогда попали в руки именно Ахмеда Мурсала.

– В Баку? – изумленно спросил генерал, переглянувшись с другим собеседником.

– Да. У нас ведь есть посольство в этой стране, кстати, единственное на Среднем Востоке в мусульманских странах. Если, конечно, не считать наше посольство в Анкаре, но мы традиционно относим его к европейским странам.

– Вы думаете, Ахмед Мурсал собирается напасть на наше посольство в Баку?

– Я ничего не думаю. Я только излагаю факты. Два года назад у нас пропало несколько бланков канадских паспортов, которые почти наверняка оказались у боевиков Ахмеда Мурсала. Пять дней назад в Париже был застрелен наш агент. А через три дня кто-то, воспользовавшись похищенным паспортом, покинул территорию стран Шенгенской зоны и вылетел в Баку. Почему я не могу считать, что это был именно Ахмед Мурсал? Он ведь понимает, что мы будем его искать после совершения убийства именно в странах Шенгенской зоны.

– Я вылетаю в Баку немедленно, – решил генерал, – кажется, туда есть прямые рейсы из Тель-Авива.

– Возьмите с собой людей, выходцев из Азербайджана, – посоветовал его руководитель. – Послушайте, Райский, вы ведь у нас специалист по странам СНГ. Нужно задействовать и нашу агентуру в Баку. В любом случае нужно особо предупредить нашего посла в Азербайджане Аркадия Мил-Мана. Возможно, Ахмед Мурсал готовит нападение на наше посольство в Баку.

– А если он полетел туда в поисках альтернативных источников оружия? – вдруг спросил генерал. – Он ведь сейчас наверняка мечется, ищет, где можно взять оружие для новых акций. А на Кавказе это сделать проще всего. Там масса неучтенного оружия.

– И как он собирается провезти его в Европу? – насмешливо спросил хозяин кабинета. – В своем чемодане, пройдя через пограничный и таможенный контроль?

– Может, нам следует попросить помощи у азербайджанских властей? – предложил генерал Райский. – И, конечно, нужно проконсультироваться с Москвой.

– Разумеется. Наш посол должен немедленно связаться с Министерством иностранных дел Азербайджана. Можно будет арестовать Ахмеда Мурсала на выезде, когда он попытается вылететь из Баку. Но при чем тут Москва? – не понял хозяин кабинета. – Они, насколько я знаю, даже не контролируют границы Азербайджана. У них собственные пограничные войска.

– Я думаю, что Ахмед Мурсал в любом случае попытается получить оружие с севера. Нельзя недооценивать влияние Москвы на этот регион.

– Сейчас нам не до этого. Вопросы геополитики мы обсудим в следующий раз. Вылетайте в Баку.

– Простите, – неожиданно вмешался более молодой собеседник, – мне кажется, нам нужно использовать и другие, не совсем традиционные методы.

– Что вы имеете в виду, полковник? – нахмурился хозяин кабинета.

– Ахмед Мурсал оборвал все связи. Использование нашей агентуры и наработанных методов может не дать результата. Судя по всему, он готовит акцию именно в Европе, и боюсь, убийство нашего агента в Париже только подтверждает мою версию.

– Конкретно, что вы предлагаете?

– Использовать такой же метод. Бросить против террориста подобного масштаба охотника такого же ранга. Устроить охоту на самого Ахмеда Мурсала.

– У вас есть такой охотник?

– В прошлом году мы использовали опыт известного аналитика, бывшего эксперта ООН. Москва и Баку – это как раз его регионы. Я сейчас вспомнил о нем.

– Дронго, – сказал Райский, – я против, – сразу добавил он.

– Почему?

– Это наша проблема, и мы ее будем сами решать, – твердо произнес генерал. – Он неуправляемый тип, и совсем не обязательно снова привлекать его в качестве эксперта. Тогда мы были вынуждены его использовать. Он и так слишком много знает о нашей деятельности. Привлекать к сотрудничеству чужого человека было бы непростительной ошибкой.

– Но он лучший из экспертов, – настаивал полковник.

– Я имел с ним дело, – сухо сказал Райский, – и убежден, что это не тот человек, который нам нужен. Кроме того, мы обязаны решать свои проблемы самостоятельно, – снова подчеркнул он.

– Мне кажется, вы относитесь к этому эксперту не совсем объективно, – усмехнулся хозяин кабинета.

– Да. Совсем необъективно. Я с ним сталкивался и знаю, как он непредсказуем. Я против.

– Операция поручена вам, генерал. В таком случае немедленно вылетайте в Баку. И держите нас в курсе дела. Возьмите с собой всех, кто раньше проживал на Кавказе. Они могут пригодиться. И кто хорошо знает местные языки.

– С этим у нас проблем не будет, – засмеялся генерал, – в Баку все понимают русский язык, выходцы с Кавказа знают местные языки, я сам все еще хорошо говорю по-русски.

Баку. 20 марта 1997 года

В кабинете министра национальной безопасности Азербайджана был создан своеобразный штаб по руководству операцией. Прилетевший в Баку генерал Райский с целой группой своих сотрудников был принят сначала руководством Министерства иностранных дел, а затем и руководством Министерства национальной безопасности. Часть сотрудников, прибывших с Райским, обеспечивала усиленную охрану израильского посольства, куда дополнительно были подтянуты два автомобиля полиции и несколько машин Службы национальной безопасности.

У Баку были не просто хорошие отношения с Тель-Авивом. Израиль одним из первых государств признал независимость Азербайджана и установил дипломатические отношения. В Израиле всегда помнили, что, несмотря на все попытки спровоцировать еврейские погромы, только в двух крупных городах царской России – в Тифлисе и в Баку – их никогда не было. Более того, в этих городах даже не подозревали о существовании антисемитизма. Правда, репутацию Баку как самого интернационального города в мире испортили события девяностого года. И хотя тысячи азербайджанцев защищали своих соседей от насилия, тысячи людей спасали своих друзей и близких, тем не менее пятьдесят шесть убитых в Баку армян были шоком для миллионов бакинцев. И хотя справедливости ради стоит отметить, что погромы в Баку начались в ответ на массовые убийства и полное изгнание десятков тысяч азербайджанцев из пределов Армении, тем не менее убийство любого человека всегда было аморально и с нравственной, и с религиозной точки зрения, независимо от того, к какой именно религии принадлежал тот или иной человек.

Однако именно Азербайджан одним из первых среди республик бывшего Советского Союза установил прямой рейс в Тель-Авив, и именно в этом городе зародилось первое на Кавказе общество дружбы с Израилем. Именно поэтому на всех уровнях представителям спецслужб Израиля готовы были оказать любую помощь. Сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что у официального Баку были не просто хорошие отношения с Израилем, но еще и не совсем нормальные отношения с Тегераном, ревниво относившимся к проникновению представителей США и Израиля в регион Каспийского бассейна.

Они собрались в кабинете министра, чтобы обсудить последние детали. Собственно, все было ясно с самого начала. Самолеты авиакомпании «КЛМ» вылетали из Баку в ночь на среду, пятницу и воскресенье, предварительно прилетев из Тегерана. Паспорт, с которым прибыл неизвестный, был отмечен при прохождении границы несколько дней назад. И теперь этот же неизвестный собирался вылететь в ночь на двадцать первое марта в Амстердам.

В кабинете находились заместитель командующего пограничными войсками республики, начальник республиканской таможни, сам министр национальной безопасности, трое его сотрудников и два офицера израильских спецслужб, прилетевшие вместе с Райским, который находился здесь же.

– Все ясно, – подвел итог министр национальной безопасности. – Сегодня ночью мы должны арестовать террориста и передать его нашим гостям. Все документы уже согласованы, остается только провести операцию задержания в аэропорту. Где это лучше сделать? – спросил министр у руководителя местного отделения безопасности в аэропорту.

– Когда он пройдет таможенников, – пояснил тот, – он должен будет проследовать через металлоискатель, и мы наверняка будем знать, что у него нет оружия. Он пройдет к стойке, где стоят служащие компании, регистрирующие билеты на рейс. И наш человек подаст нам сигнал. Тогда мы его и арестуем.

– Он очень опасен, – быстро вставил Райский, – среди пассажиров вполне может оказаться его вооруженный сторонник. Необходимо предусмотреть возможность постороннего вмешательства.

– Аэропорт будет оцеплен, – пообещал министр, – мы пошлем туда дополнительно еще двадцать человек. Предупредим органы полиции и пограничников. Ваш террорист будет арестован уже сегодня ночью, можете в этом не сомневаться. Как только он покажется в аэропорту, он обречен.

– Нужно обратить особое внимание и на его груз, – напомнил генерал Райский, – если он попытается что-либо сдать, следует немедленно изъять этот груз. И вообще тщательно проверить багаж всех пассажиров.

– Сделаем, – пообещал руководитель таможенного комитета, – я скажу, чтобы проверяли все, вплоть до личного досмотра, если понадобится.

– Нет-нет, – улыбнулся Райский, по-русски он говорил свободно, даже лучше некоторых своих собеседников, – главное – не перегнуть палку. Чтобы террорист ничего не заподозрил.

– Правильно, – поддержал его министр, – проверите весь груз еще раз после задержания террориста. Как только его арестуют, мы вывезем его в нашу тюрьму, а потом через несколько дней вы сможете забрать его с собой в Израиль. Наш изолятор находится в самом здании, внизу, под нами. Поэтому можете не волноваться.

– Я бы хотел, чтобы он оставался в отдельной камере, – попросил Райский.

– Вообще-то у нас с этим сложно, – честно признался министр, – свободных камер практически нет. Но мы обязательно что-нибудь придумаем.

– Он очень опасен, – еще раз предупредил Райский, – мало арестовать его. Нужно сделать так, чтобы он не сбежал.

– При мне из нашей тюрьмы еще никто не сбежал, – нахмурился министр.

Уже позже, когда Райский вышел из кабинета в сопровождении нескольких своих офицеров, он обернулся к одному из них:

– Что он имел в виду, когда говорил о побегах из их внутренней тюрьмы?

– При прежнем министре отсюда сбежало сразу несколько человек, в том числе и бывший министр обороны, – пояснил офицер, который был выходцем из Баку, – после этого вокруг здания сделали решетку и усилили охрану.

– А где сейчас прежний министр безопасности?

– В этой тюрьме.

– А сбежавший министр обороны? – Там же.

Райский пожал плечами.

– Мне иногда трудно бывает понять логику внутренних событий в бывших республиках Советского Союза. Павел, вы действительно знали Дронго до отъезда в Израиль?

– Я уехал десять лет назад, но уже тогда он был довольно интересным человеком. Он часто уезжал в непонятные командировки, и в городе говорили, что он работает в какой-то международной организации. Теперь я понимаю, что именно тогда происходило. Но я и не думал, что это именно Дронго. Я ведь уехал еще до всех этих событий, в восемьдесят седьмом.

– Я с ним встречался в прошлом году, – откровенно признался Райский. Они сели в автомобиль, выделенный для их делегации.

– Он вам не понравился? – спросил Павел.

– Мне он показался достаточно экстравагантным, – хмуро признался Райский, – давайте лучше поедем по городу. К стыду своему должен признаться, что я не был в этом городе ни разу в жизни.

– Договорились, – засмеялся Павел, – я покажу вам все лучшие места.

Уже около полуночи в аэропорту все было готово к аресту. Несколько сотрудников службы безопасности переодели в таможенников и пограничников. За стойку компании, где оформляли пассажиров, также встал один из офицеров Министерства национальной безопасности. Все было готово к приему террориста.

В половине первого началась регистрация. Внешне она проходила спокойно. Многие пассажиры были утомлены ночным бдением и довольно вяло проходили таможенный и пограничный контроль. Райский сидел в комнате начальника службы безопасности, ожидая, когда наконец его позовут. Его офицеры, владевшие русским и азербайджанским языками, смешавшись с толпой провожающих, внимательно наблюдали за пассажирами.

Без десяти час к стойке подошел невысокий мужчина и подал свой паспорт и билет. Оформлявший документы сотрудник службы безопасности сразу увидел знакомый номер паспорта и уже известную фамилию. Он подал знак стоявшему невдалеке своему напарнику. Тот передал по цепочке. В кабинет руководителя службы безопасности вбежал один из сотрудников. Запыхавшись, он произнес:

– Он оформляется.

Райский тяжело вздохнул. До самого последнего момента он не верил, что Ахмед Мурсал появится в аэропорту. Он не верил в подобную удачу.

– У него большой багаж? – спросил генерал.

– Два чемодана. Их уже проверили, – доложил сотрудник.

– Идемте, – поднялся Райский и направился из кабинета. За ним поспешили остальные.

Если бы давали премию за идеальный арест, ее бы в этот вечер получили азербайджанские спецслужбы. Кто-то позвал незнакомца, а когда он обернулся, ему молниеносно на руки надели наручники, и окружили сразу несколько человек.

– Вы арестованы, – громко сказал старший офицер службы безопасности, руководивший группой захвата.

Генерал Райский сделал несколько шагов к арестованному, чувствуя непривычное волнение. Взглянул на того...

– Это не он, – быстро сказал генерал, – мы взяли не того.

– Что? – обернулся к нему руководитель группы захвата.

– Это не он, – сдерживая раздражение, повторил генерал. – Кто вы такой? – спросил он по-английски у арестованного.

– Я канадский гражданин Анвер Махмуд, – удивленно сказал незнакомец, – почему меня арестовали?

– Это вам расскажут они, – генерал махнул рукой, показывая на стоявших представителей местных спецслужб. И, повернувшись, пошел к выходу. Его догнал Павел.

– Что будем делать? – спросил тот.

– Он опять нас обманул, – зло сказал генерал. – Можешь не сомневаться, здесь был настоящий Анвер Махмуд. Просто он воспользовался другим паспортом, который выдал ему кто-то из сообщников Ахмеда Мурсала. Но теперь уже поздно. Наш клиент наверняка уже покинул Баку.

Райский вышел из здания. Поднял голову.

– Сегодня в Баку праздник, – негромко пояснил стоявший позади Павел. – Они отмечают Навруз-Байрам, новый год по местным обычаям начинается в день весеннего равноденствия.

– Павел, – обернулся к нему генерал, – я думаю, что нам нужно изменить вектор поиска. Как вы относитесь к тому, чтобы найти вашего бывшего сокурсника? Может, действительно я отношусь к нему слишком предвзято?

Часть первая

ГОРОД ШПИОНОВ

Москва. 24 марта 1997 года

Жизнь на два города делала его меланхоликом. Имея квартиры в Москве и Баку, он старался соблюдать некий баланс, при котором жил поочередно, по несколько месяцев, то в одном, то в другом городе. Города были столицами разных государств, и он все более явственно замечал, как расколовшаяся на многочисленные куски бывшая Атлантида его Родины дрейфует по своим особым законам, а прежние составные части единого целого с одинаковой скоростью расходятся в разные стороны.

Он не любил политиков. Они казались ему фокусниками, менявшими свои убеждения и принципы в зависимости от сложившейся конъюнктуры. Они меняли свои маски так часто и беззастенчиво, так наглядно старались приспособиться к новым условиям, что он просто разучился удивляться. Конец девяностых годов, век подходил к концу. Это был самый страшный и самый сложный век в истории человечества, и общая усталость от накопившихся проблем – двух мировых войн, океана крови, пролитой в этом столетии, затмившем своей жестокостью все предыдущие, казалось, давит на людей. Конец века был крахом многих идей, многих воззрений. Многие миллионы людей пессимистически смотрели в будущее, не ожидая ничего хорошего от грядущего тысячелетия. Неизмеримо выросшее могущество человека за сто лет не сделало жизнь людей лучше, вместо ожидаемого совершенства человека, о котором так страстно мечтали мыслители в прошлом веке, лишь усовершенствовало орудия убийства, позволив именно в двадцатом столетии дважды применить атомное оружие и получить «цивилизованных варваров» конца двадцатого века, когда культура заменялась штампами привычных понятий и комиксов, общее образование – суррогатом специального обучения, готовившего человека к своей строго функциональной профессии, а гармоничное развитие оставалось лишь утопией немногих мечтателей.

Оставалось ждать конца этого века. Что он, собственно, и делал, продолжая свое существование в двух параллельных, но уже разных мирах, которые продолжали отдаляться друг от друга. Полученные гонорары от прежних расследований позволяли ему вести довольно сносное существование, и он, не испытывая материальных проблем, последние полтора месяца провел в Москве, почти не выходя из дома, отправляясь в магазины лишь за необходимыми покупками. Зато теперь у него было довольно много времени, чтобы наконец прочитать привезенные книги, в том числе и новые романы американских фантастов, изданные в последние несколько лет.

В последние недели он плохо спал. Сказывался и сердечный приступ, который свалил его во Франции. Врачи сообщили ему, что у него было лишь повреждение задней стенки сердца. Он не знал точно, что это такое, но понимал, отчего это произошло. За время своих многочисленных командировок и скитаний по всему миру он слишком много повидал, слишком много узнал, чтобы сердце могло оставаться безучастным к многочисленным трагедиям.

Он подсчитал, сколько раз ему приходилось становиться свидетелем изломанных судеб, неудавшихся жизней, рухнувших надежд. Он вспомнил, сколько раз сталкивался с человеческой подлостью и коварством, с цинизмом и насилием. Вспомнил, сколько убитых и раздавленных преступлениями людей он встречал в своей жизни, вспомнил погибших друзей, и ему стало страшно. Впервые в жизни. Он вдруг осознал, что давно превысил тот предел познания человеческого горя, который должен быть у нормального человека.

Теперь сердце болело все сильнее, а размышления о собственной судьбе занимали все свободное время. Он стал ловить себя на мысли, что постепенно привык к чужому горю и чужим страданиям, словно все это не могло коснуться и его самого. Может, поэтому он инстинктивно избегал любых разговоров по поводу создания собственной семьи. Может, поэтому встреченные им в жизни женщины не задерживались в его судьбе, ибо он сам не находил в себе мужества предложить им остаться. И может, поэтому он, оставшийся теперь один, к тридцати восьми годам вдруг начал бояться собственной смерти.

За многие годы своего одиночества он привык спать один. Но теперь по ночам он не мог заснуть. Внезапно заболевшее сердце словно разбудило в нем все те прежние страхи, которые он однажды испытал в подростковом возрасте, осознав, что рано или поздно умрет не только он, но и все, кто его окружают и кого он любит. Это волновало его тогда некоторое время. Но теперь, с годами, это начало волновать его совсем по-другому. Словно он боялся собственной смерти, как обрыва длинной и сложной цепи человеческих организмов, приведших в конце концов к его собственному рождению.

Он даже отправился к врачам, но, кроме немного повышенного давления, у него ничего не нашли. Кардиолог прописал таблетки, ему сняли кардиограмму. Но он сам знал, что дело не в его болезни. Он был здоров, относительно здоров, как может быть здоровым человек, которому почти сорок, который дважды был ранен, который слишком часто принимал на себя боль и разочарования других людей. Но он все равно был болен. Это была болезнь «среднего возраста», когда прежние идеалы казались утраченными, а ничего нового впереди не ждало.

Дронго был одним из тех, кто никогда не мог смириться с развалом собственной страны. Для него понятие «родина» вмещало ту огромную страну, в которой он родился, воспитывался, вырос. И которую защищал в силу своих возможностей. И которая развалилась, когда ему было тридцать два года.

Нет, он не ходил на демонстрации с красными знаменами и не призывал вернуть «вождя народов», с портретами которого стояли многочисленные старушки. Он и видел, и понимал изъяны и недостатки прежней системы. Но та страна, в которой он вырос и которую любил несмотря ни на что, уже не существовала. В некоторые города, любимые с детства, как Таллин или Рига, уже нельзя было попасть без визы. А его любимый Ленинград теперь назывался совсем другим именем, словно в насмешку над блокадниками, отстоявшими свой город и имеющими право на это название в тысячу раз больше, чем прежнее императорское Санкт-Петербург.

Но даже эта фантомная боль не могла заглушить реальной мысли, что восстановление прежней страны невозможно. В душе он все же надеялся на чудо, на обретение некоего единства пространства и территории. Но как аналитик и реалист видел расползающиеся в разные стороны суверенные территории, которые уже невозможно было собрать и склеить в прежнем виде.

Он отказывался от всех предложений, сделанных ему сразу несколькими государствами СНГ, предлагавшими перейти в их спецслужбы. Он не хотел работать на государственной службе. Жизнь частного лица, аналитика, который мог дать консультации или помочь в раскрытии загадочного преступления, могла приносить тот минимум для жизни, который обеспечивал его всем необходимым. Но позади осталась страна, в которой он жил, друзья, которых он потерял, работа, к которой он уже не смог бы вернуться. А впереди были неопределенность и смерть.

В последние недели он чаще всего думал именно о смерти. Ему казалось странным и несправедливым, что все люди от рождения, хорошие и плохие, совершающие нравственные поступки и аморальные мерзавцы, дети и старики, поклоняющиеся разным богам, все одинаково приговорены к смертной казни, отсрочка которой лишь усугубляла их страдания. Надежный разумом человек рано или поздно понимал чудовищную несправедливость подоб-

ного закона природы, но обреченно мирился с нею, понимая, что ничего не сможет изменить. Подобная несправедливость абсолютно ко всем людям волновала самого Дронго как некий несправедливый уравниватель, делающий одинаково несчастными всех живущих. Поэтому в последние дни он чаще лежал на кровати с открытыми глазами или читал по ночам, чтобы заснуть с первыми лучами солнца, словно не желая каждый раз встречать его восход и рождение нового дня, так стремительно сокращающего его собственное существование.

Телефонный звонок разбудил его в половине девятого вечера. По вечерам он предпочитал иногда вздремнуть, чтобы затем бодрствовать до утра. Ночь была у него самым плодотворным временем для работы, чтения и размышления. Он был ярко выраженной «совой» и предпочитал ночное бдение и дневной сон. Чертыхнувшись, он поднялся с дивана и подошел к аппарату. Поднял трубку.

– Слушаю вас, – недовольным голосом сказал он.

– Это Дронго? – спросил его незнакомец.

Он поморщился. Когда разговор начинается таким образом, это не сулит ничего хорошего. Обычно так начинают разговор нетерпеливые дилетанты или суетящиеся чиновники, от которых ничего хорошего ждать не стоит.

– Нет, – ответил он глухим голосом, – вы ошиблись номером.

И положил трубку. Подумав немного, он решил вообще не отвечать на звонки незнакомца. В конце концов, если у позвонившего действительно важное дело, он может позвонить и завтра утром. Повернувшись, он пошел к дивану и снова лег, закрыв глаза. Интересно, кому он опять мог понадобиться?

Телефонный звонок все же выбил его из состояния привычной расслабленности, и он почувствовал, что не сможет заснуть. Немного поворочавшись на диване, он поднялся и включил телевизор. Веселая музыкальная передача заставила его переключиться на другой канал. Там показывали фильм, явно детективного жанра. Дронго отвернулся. Больше всего на свете он не любил детективы, особенно фильмы, выстроенные по голливудским стандартам, когда на одну минуту экранного времени приходилось одно убийство и половина полового акта, растянутого, как правило, сразу на несколько минут. Он переключил на другую программу и, увидев, что там показывают интервью с известным политиком, убрал звук и прошел на кухню.

«Интересно, – снова подумал он, – кто это мог позвонить? Кому я опять понадобился?»

Телефонный звонок раздался снова. Но он не стал больше подходить к аппарату, лишь механически считая звонки. После восьмого телефон умолк. Дронго вернулся в комнату и снова начал переключать каналы. Вполне возможно, найдет какую-нибудь более интересную передачу. Раздался один звонок. Потом еще три. Потом последовало сразу восемь. Он механически считал. После того как телефон умолк, Дронго приготовился взять трубку, когда он зазвонит в четвертый раз. Этот код под цифрой «сто тридцать восемь» был известен только одному человеку, его другу, много лет назад учившемуся вместе с ним на юридическом факультете.

Собственно, именно этот друг и разработал такую систему кодового звонка. Попав по распределению на службу следователем милиции, он довольно часто уходил из дома по ночам, перебираясь к своим друзьям и объясняя свое отсутствие частыми ночными вызовами. Именно тогда он раскрыл Дронго свой код, объяснив, что звонить следовало именно таким образом. Сначала один звонок, потом три, затем восемь. И только с четвертого раза вызываемый абонент поднимал трубку. Такая сложная система была придумана для жены и руководителей, но Дронго запомнил эту систему и теперь не сомневался, что звонит именно он. «Странно, что он позвонил спустя столько лет, – подумал Дронго. – Он ведь уехал из страны, кажется, лет десять назад».

Когда раздался звонок, он не колеблясь поднял трубку.

– Здравствуй, – услышал он знакомый голос.

Дронго улыбнулся. Он не мог ошибиться. Это был Павел Гурвич. Тот самый Павел, с которым он проучился пять лет на юридическом факультете и который уехал еще в прошлую жизнь, в другое время, из другой страны и в другую эпоху.

– Здравствуй, Павел, – улыбнулся Дронго.

– Узнал, – засмеялся Павел, – спустя столько лет узнал мой звонок. Я был уверен, что ты его помнишь.

– Еще бы! Это был такой экзотический код. Я запомнил его на всю жизнь. Как дела? Какими судьбами? Как ты узнал мой московский телефон?

– Это было нелегко, – пробормотал Павел, – но у меня остались кое-какие связи.

– Догадываюсь. Ты живешь в Москве или бываешь здесь наездами?

– Половина на половину. Но вообще-то я прилетел только сегодня вечером.

– И сразу нашел мой номер. У тебя хорошие связи, Павел.

– Надеюсь, что да. Нам нужно встретиться.

– Хорошо. Приезжай ко мне. Адрес ты наверняка уже знаешь?

– Я стою около твоего дома.

– Еще одна фраза, Павел, и я начну тебя бояться.

– Нет, – засмеялся старый друг, – ничего страшного. Просто я хочу навестить своего забытого товарища. Надеюсь, ты меняпустишь?

– А я надеюсь, ты придеешь один, – вздохнул Дронго и, положив трубку, пошел к двери.

Через минуту в квартиру позвонили. Дронго осторожно посмотрел в глазок. На лестничной площадке стоял Павел Гурвич. За прошедшие годы он сильно изменился. Полысел, поправился, постарел. Дронго открыл дверь. Очевидно, и с ним за это время произошли разительные перемены. Он тоже изменился не в лучшую сторону. Они смотрели друг на друга несколько секунд, потом, крепко обнявшись, расцеловались.

– Заматерел, – сказал Павел, – тебя и не узнать.

– А ты вообще изменился, – признался Дронго, – я бы тебя на фотографиях не узнал.

Пройдя в гостиную, Павел осмотрелся.

– Ты сделал две квартиры похожими одна на другую, – удивился он, – тебе так удобнее?

– Да. Я даже покупаю одни и те же книги. И одинаковую посуду, чтобы чувствовать себя привычно удобно в обеих.

– Красиво, – усмехнулся Павел, проходя в комнату.

– А ты помнишь еще мою бакинскую квартиру?

– Немного помню, – Павел устроился надиване, кивнул на выключенный телевизор.

– Не включаешь?

– Не люблю, – признался Дронго, – смотрю только новости. Или Си-эн-эн. Который сейчас час?

Павел посмотрел на часы. Чуть смутился и, подняв глаза, пробормотал:

– Одиннадцатый час вечера.

– Жаль, не успел послушать последние новости по НТВ. Это новый канал на телевидении.

– Они повторят свои главные новости в полночь. Мы посмотрим их вместе, – невозмутимо сказал Павел.

– У нас такой долгий разговор? – Дронго заглянул в глаза своего бывшего товарища.

– Боюсь, что да. И надеюсь, что этим разговором все не кончится. Ты можешь включить и Си-эн-эн. Если у тебя есть, как это сейчас говорят, тарелка.

– Есть, – засмеялся Дронго, – тебе никто не говорил, что у тебя появился одесский акцент?

– Наверное, – кивнул Павел, – когда привыкаешь говорить на иврите, начинаешь чуть тянуть гласные.

– И на английском? – быстро сказал Дронго, усаживаясь напротив.

– Почему на английском? – вздрогнул Павел.
– Не знаю. Мне показалось, что ты выучил сразу два языка. Я прав?
– Почему? – несколько напряженным голосом спросил гость. – Почему тебе так кажется?
– Что ты будешь пить? – спросил вместо ответа Дронго. Поднявшись, он прошел к бару, доставая несколько бутылок.

– У тебя есть вино? – спросил Павел.
– Итальянское или грузинское?
– Мне говорили, что настоящего грузинского вина давно нет.
– У меня настоящее, – буркнул Дронго, доставая еще одну бутылку. Он открыл ее, налил темно-красную жидкость в высокие стаканы и сказал: – Вино труднее подделать, чем людей. Фальшивое вино легче распознать. За встречу.

– За встречу, – поднял бокал вина Павел, и они чокнулись.
И лишь когда Дронго поставил стакан на столик, он сказал:
– Теперь рассказывай, зачем ты приехал.
– А почему ты решил, что у меня к тебе какое-то дело? – спросил Павел.
– Я знаю, когда прилетают самолеты компании «Трансаэро» из Тель-Авива в Москву, – ответил Дронго. – Знаю точное время, знаю, что после твоего прилета в Москву прошло не больше трех часов. А за это время ты успел пройти границу, таможню, получить багаж, если он у тебя, конечно, был, найти мой адрес и телефон. Даже приехать сюда. Если учесть, что ты не успел перевести стрелки своих часов и они у тебя еще установлены на тель-авивское время, то оперативность довольно необычная. Из чего я сделал вывод, что ты приехал специально для того, чтобы меня навестить.

– Откуда ты узнал про часы? – удивился Павел. – Я ведь назвал тебе московское время.
– Ты запнулся на секунду, увидев часовую стрелку своих часов, и мысленно быстро перевел время на московский часовой пояс. Поэтому я догадался.
– А ты наверняка специально спросил меня про время, – покачал головой Павел, – ты всегда умел замечать мелкие детали, на которые никто не обращал внимания.

Дронго удивленно покачал головой.

– Конечно, я спросил специально, – признался он, – но раньше, десять лет назад, ты бы наверняка не догадался. Что с тобой случилось? Рассказывали, что, уехав в Израиль, ты работал в каком-то русскоязычном журнале. Или ты уже сменил свое место работы?

– Да, – сдержанно ответил Павел, – я теперь работаю в агентстве «Сохнут».
– Хорошее место работы. Хочешь еще вина?
– Тебе не нравится мое место работы?
– Мне не совсем понятен твой неожиданный приезд. Может, ты мне все-таки расскажешь, зачем прилетел и даже вспомнил про свой забытый телефонный код?

Вместо ответа Павел потянулся к бутылке, сам разлил вино и, подняв свой стакан, провозгласил тост:

– За старую дружбу.
– С удовольствием, – засмеялся Дронго, чуть отпивая из своего стакана, – а теперь все-таки объясни.

Павел сделал один глоток, достал носовой платок, вытер губы и наконец сказал:

– Я прилетел не один.
– Надеюсь, не с женой? – пошутил Дронго.
– Мы прилетели с моим другом, – не улыбувшись ответил Павел.
– И этот друг хочет со мной познакомиться?
– Нет, – чуть подумав, произнес Павел, – вы с ним знакомы. Скорее, он хочет, чтобы мы встретились с ним. Вместе. Втроем.
– И кто это такой?

– Вы с ним встречались два года назад.

– Из вашего государства?

– Да.

– Неужели ты прилетел с вашим премьер-министром?

– Кончай шутить. Это Соловьев.

– Понятно. Действительно, я с ним знаком. Два года назад мы с ним встречались. Тогда он произвел впечатление довольно осторожного человека. У него машина была напичкана аппаратурой. Кстати, мы встречались с ним несколько раз. И он назвал мне позже совсем другую фамилию. Кажется, генерал Райский. Или это тоже был псевдоним?

– А ты как думаешь?

– Я ничего не думаю. Если ему нравится в России быть Соловьевым, то пусть им будет. Какая разница: Райский, Соловьев или какой-нибудь Бернштейн. Просто у вас мания преследования. И вам нравится менять свои еврейские фамилии на другие, более приближенные к фамилиям граждан страны, в которой вы в данный момент находитесь.

– С чего ты взял? – нахмурился Павел.

– В Америке то же самое, – пояснил Дронго, – евреи меняют там свои еврейские фамилии на английские, считая, что это поможет их карьере.

– Ты стал антисемитом? – спросил Павел.

– Только без ярлыков, – усмехнулся Дронго, – мне просто не нравится, когда Райский вдруг приезжает в Москву и становится Соловьевым. И еще мне очень не нравится, что вы вышли именно на меня. Дважды я имел дело с вашей организацией. Сначала в Вене, в девяносто первом, а потом во Франции, в девяносто шестом. И оба раза это кончалось не совсем хорошо для меня. В первый раз убили женщину, с которой меня многое связывало. Второй раз едва не убили меня самого.

– МОССАД тогда спас тебе жизнь, – напомнил Павел.

– Это тебе тоже сообщили, – вздохнул Дронго, – кажется, я должен буду согласиться хотя бы в знак благодарности. Или нет?

Павел хотел разразиться длинной речью, но передумал, сказал только:

– Да.

– Тогда все ясно. И зачем вы приехали? Опять какое-нибудь тайное общество? Или очередной заговор? Мне кажется, что тогда мы закончили наши отношения раз и навсегда.

– Тебя просят о небольшой услуге.

– Почему именно меня?

– Ты лучший эксперт в мире. Про твои аналитические способности ходят легенды. Рассказывают, что ты умудряешься «вытягивать» самые безнадежные дела.

– Зачем ты приехал, Павел? Неужели только для того, чтобы сказать мне это?

– Нет, конечно, нет. Дело в том, что на этот раз мы хотим попросить тебя о своего рода посредничестве.

– Кто это мы? Неужели ваше агентство?

– Я в данном случае говорю не от имени своего агентства. И не нужно так иронизировать. В мире, к сожалению, нас слишком часто переоценивают.

– По-моему, ваши спецслужбы трудно переоценить, – засмеялся Дронго, – но в любом случае я откажусь.

– Не получится, – вдруг сказал Павел, – ты не сможешь отказаться.

– Почему?

– Тебя попросит об этом еще одна сторона.

– Не понял.

– Мы попросили о помощи Службу внешней разведки России. Я думаю, завтра они выйдут на тебя.

– Может, хватит? – разозлился Дронго. – Я уже давно на пенсии. После распада СССР много раз заявлял, что считаю себя свободным от всех обязательств. Неужели вы не можете найти никого лучше? Или вы делаете это намеренно, ожидая, когда наконец меня уберут?

– Дело не в тебе, – признался Павел, – тут совсем другая история.

– И ты приехал специально меня уговаривать, – нахмурился Дронго, – они решили, что я не смогу отказать старому знакомому?

– Нет. Я участвую в разработке операции. Моя служба только прикрытие, как ты уже понял. Я работаю в разведке.

– Я догадался. Где еще может работать человек с твоим профилем. Ты ведь был неплохим следователем. Я думал, ты пойдешь в полицию.

– Соловьев прилетел со мной для координации наших служб. Завтра на тебя выйдут представители российской разведки. Ты практически единственный человек, который может сейчас нам помочь. Единственный.

– Так не бывает, – строго ответил Дронго, – незаменимых нет. Не нужно меня убеждать в том, что в вашей разведке вы не можете найти одного толкового специалиста.

– Сколько угодно, – улыбнулся Павел, – но нам нужен именно ты.

– Кончай говорить загадками и наконец объясни, что случилось.

Вместо ответа Павел достал из кармана фотографию.

– Ты знаешь этого человека?

– Нет. Первый раз вижу.

На фотографии был снят молодой человек в очках. Он пристально, с чуть заметной улыбкой, смотрел в объектив.

– Это Ахмед Мурсал, – объяснил Павел, – один из самых опасных террористов нашего времени.

Дронго взглянул на фотографию.

– Возможно, – согласился он, – я о нем что-то слышал. Но никогда не видел его фотографию.

– Это редкий снимок, – пояснил Павел. – Через секунду он застрелит того, кто его снимает.

Дронго снова взглянул на фотографию.

– Своеобразный способ благодарности, – сказал он.

– Этот человек не знает, что такое жалость или благодарность. Он обладает каким-то сверхъестественным чутьем на любых агентов, которых мы к нему пытаемся заслать. Иногда кажется, что это и есть так называемое шестое чувство. Просто у одних есть чувство ритма, у других – чувство музыки, тогда из первых получаются гениальные поэты, а из вторых гениальные музыканты. Так вот, у Ахмеда Мурсала есть чувство опасности. И поэтому из него получился гениальный террорист.

– Можно подумать, что ты прилетел специально его рекламировать, – нахмурился Дронго.

– Ахмед Мурсал создал свою организацию двенадцать лет назад. Тогда ему было двадцать пять, – продолжал Павел, – он учился в Англии и Франции. Великолепно владеет несколькими европейскими языками. Его семья из Ирака, но они давно эмигрировали оттуда, не признавая режим Саддама Хусейна. Его отец уехал из Багдада еще лет тридцать назад, когда Ахмед Мурсал был совсем ребенком. В английском колледже он попадает под влияние группы проирански настроенных молодых ребят из влиятельных семей Афганистана, Ирана и Ирака. В середине восьмидесятых он несколько раз побывал в Иране и затем создал в Европе свою организацию. Одно время его движение щедро финансировалось иранским правительством. Но затем, когда он начал самостоятельные несанкционированные террористические акции в Европе, это очень не понравилось иранскому руководству. Они в этот момент очень плодотворно торговали с

целым рядом европейских стран, а он вносил в их отношения некий дисбаланс. Тогда они отказали ему в своей поддержке и он порвал с ними отношения.

Дронго смотрел на фотографию и молча слушал.

– Позднее он вышел на пакистанскую разведку, которая иногда финансировала его деятельность, – продолжал Павел, – именно члены его группы вместе с представителями движения «Талейбан» и офицером пакистанской разведки захватили в Афганистане бывшего лидера этой страны Наджибуллу. Чем это кончилось, думаю, ты помнишь. Одно время Ахмед Мурсал находился в Афганистане, но затем уехал оттуда. Сейчас, по нашим сведениям, он готовит акцию устрашения. По агентурным данным, он постарается сделать все, чтобы свалить вину за свой террористический акт на иранскую сторону, которая, как ему кажется, его предала, отказавшись финансировать. Мы не знаем, где, когда и какой удар нанесет этот террорист, но можно не сомневаться, что он выберет самое уязвимое место и постарается добиться максимального скандала.

– Понятно, – кивнул Дронго, – но я с ним никогда не встречался. При чем тут я?

– Ты единственный человек, который может выйти одновременно на российскую и иранскую разведки и скоординировать наши действия. Ты ведь – бывший эксперт ООН, тебя неплохо знают в мире. И ты единственный человек, которому поверят иранцы. Они не поверят вообще никому, кто придет от нас. А своих агентов, как ты понимаешь, мы в Иран послать не можем, учитывая наши нынешние отношения. Ты эксперт международного класса по проблемам преступности, и нет ничего странного, что именно тебя мы попросили о посредничестве. Я думаю, иранцам невыгодно, чтобы подобный акт действительно где-нибудь произошел. Конечно, только в том случае, если они сами в нем не заинтересованы.

– Я понял, – кивнул Дронго, – кажется, теперь я начинаю понимать, в чем дело. Сказки насчет единственного эксперта оставим для дурачков. Вам нужен не просто посредник, вам нужен свой человек в Иране, которому вы доверяете. Вы рассчитали, как всегда, все точно. С одной стороны, вам действительно нужен посредник на ваших переговорах с иранцами, а с другой – нужно, чтобы этот человек был одновременно и аналитиком, который сумеет просчитать, искренне ли Тегеран идет на этот контакт или действительно поддерживает террориста. Я прав?

– Ты сказал это лучше меня, – развел руками Павел.

– И именно поэтому я говорю нет, – резко сказал Дронго, – я не собираюсь втягиваться в ваши разборки. С меня достаточно собственных проблем.

– Ты понимаешь, что мы просто не успеем так быстро найти другую подходящую кандидатуру, – сказал Павел. – Ты ставишь нас в очень трудное положение. Формально мы почти в состоянии войны. Кто-то должен выйти на иранцев. Мы уверены, что он постарается подставить именно их. Я не думаю, чтобы им это было выгодно. После того как в Германии местное правосудие обвинило официальный Тегеран в поддержке террористов, любой другой теракт будет окончательным разрывом европейских держав с Ираном. Они это должны понимать.

– Это верно, – согласился Дронго, – но при чем тут вы?

– Он считает, что иранцы его предали, – пояснил Павел, – и постарается на этом отыграться. Но главные его враги – это мы. Ты понимаешь, что его удар может срикошетить и на нашу страну. А у Москвы сейчас союзнические отношения с Тегераном, и они обещали нам содействие.

– И все-таки я отказываюсь, – пожал плечами Дронго. – Думаю, вы можете действовать и через Москву. Можно найти агента, который поедет на переговоры представлять вашу сторону.

– Но у него не будет твоих аналитических способностей. Он может не понять, в какую игру его втягивают.

– Все равно – нет.

– Я так и думал, – кивнул Павел, – кажется, я тебя не убедил.

– Просто я в эти игры уже давно не играю.

– По нашим сведениям, – вдруг сказал Павел, – речь идет не просто о террористическом акте. Возможно, он планирует нечто более серьезное. Настолько серьезное, что впервые в своей истории мы готовы сотрудничать даже с иранцами. Поэтому мы и вышли на российские спецслужбы.

– Тем более, – зло ответил Дронго, – я думаю, подключив все резервы, которые есть у вас и у Москвы, вы можете вообще убрать всех террористов по всему земному шару. Вам незачем еще и такой помощник, как я.

– Твой авторитет эксперта... – начал Павел.

– Хватит, я уже отказался.

Вместо следующей реплики Павел достал из кармана еще несколько фотографий.

– Это Наджибулла, – показал он на повешенного, – а это его брат. Рассказать тебе, как их пытали? Ты ведь их знал лично.

– Не нужно, – мрачно сказал Дронго. – В конце концов, я не могу быть спасителем всего человечества.

Павел посмотрел на него и бросил на стол еще одну фотографию. На ней была улыбающаяся девушка.

– Это моя сестра Эльвира. Ты ее должен помнить. Когда мы уезжали в Израиль, она была совсем девочкой.

– Да, конечно, помню. Она еще разбила бутылку пива, за которой ты ее посылал, – улыбнулся Дронго, – тогда ей было лет пятнадцать.

Павел не улыбнулся.

– Она погибла, – сказал он, – во время взрыва на базарной площади в Иерусалиме. По нашим сведениям, одним из организаторов взрыва был Ахмед Мурсал. Он тогда еще не окончательно порвал со своими союзниками. Неужели ты хочешь, чтобы вот так погиб еще кто-нибудь? Неужели ты действительно этого хочешь?

Дронго смотрел на фотографию девушки. Потом отвернулся. Целую минуту молчал. И наконец сказал:

– У тебя неприятный аргумент, Павел. Но, кажется, я решил поменять свое мнение. Хотя мне все равно не нравятся ни твой приезд, ни ваше предложение.

Москва. 25 марта 1997 года

Он приехал на эту встречу в крайне подавленном настроении. Не хотелось ни думать о предстоящей командировке, ни даже встречаться с этими людьми. Он уже понимал: Павел недоговаривает, самого главного он все-таки ему не говорит, решив оставить какой-то наиболее важный аргумент в запасе, вплоть до того момента, когда они встретятся все вместе.

Но он понимал и другое. Отказаться, не выслушав, было просто невозможно. Это было и опасно. Необходимо было понять, почему именно к нему приехал Павел и почему МОССАД решил выйти на сотрудничество с Москвой, задействовав в операции бывшего аналитика ООН, которому формально они не должны были доверять.

Разумеется, сам визит его бывшего товарища и Соловьева в Москву был вызван крайне неординарными событиями, о которых Дронго и собирался узнать. Встреча состоялась далеко за городом, куда он приехал вместе с Павлом и молчаливым водителем, очевидно, представлявшим уже российскую сторону.

Дача, куда их привезли, была одним из многочисленных специально оборудованных мест для встреч подобного рода. В прежние времена у всесильного КГБ таких мест было достаточно много. Спустя шесть лет после развала некогда самой крупной спецслужбы в мире у российской разведки осталось не более двадцати – двадцати пяти таких объектов в Московской области. Приходилось экономить на всем, в том числе и на подобных местах, которые старались использовать по мере надобности, не привлекая внимания соседей.

Когда Дронго вышел из автомобиля, он увидел спешившего к ним «хозяина дачи» и удовлетворенно кивнул. Собственно, он и не сомневался, что на эту встречу обязательно пригласят генерала Светлицкого, одного из руководителей специального управления Службы внешней разведки. Генерал вышел к ним одетый в обычную дорожную куртку, мягкие вельветовые брюки. И если бы не внезапно вытянувшийся водитель, можно было принять генерала за обычного дачника, гостеприимно встречавшего своих гостей. – Добрый день, Дронго, – улыбнулся генерал, – кажется, мы не виделись много лет.

– Лет пять, – пожал протянутую руку Дронго. – Меня больше использовали сотрудники другого ведомства, которым всегда нужно было проводить какие-то собственные расследования, и каждый раз достаточно конфиденциально.

– Знаю, – кивнул генерал. – Сейчас особенно ценятся независимые эксперты, которые не связаны с нашими спецслужбами.

– Надеюсь, у вас не похожие проблемы? – спросил Дронго.

– Посмотрим, – генерал не любил словоблудия.

Они поднялись по ступенькам, входя в небольшой домик, похожий скорее на обычную охотничью избушку, чем на место встречи профессионалов из нескольких стран. В большой просторной комнате сидели уже знакомый Дронго генерал Райский, прилетевший из Тель-Авива, и незнакомый мужчина средних лет с запоминающейся внешностью: большой выпуклой лысиной, упрямо сжатыми губами, резкими морщинами по всему лицу. Ему было лет сорок – сорок пять, но выглядел он как раз на свой возраст, настолько злым и одновременно замкнутым было его лицо.

Райский успел за несколько дней после неудачи в аэропорту вернуться в Тель-Авив и оказаться в Москве для личных переговоров. Допрос арестованного в бакинском аэропорту пассажира ничего не дал. Выяснилось, что тот действительно канадский гражданин турецкого происхождения. Он рассказал явно выдуманную историю о том, как потерял свой паспорт и кто-то из друзей оформил ему этот паспорт. Друзей называть он, разумеется, категорически отказывался. Запрос в Оттаву ничего не изменил. Из Канады подтвердили, что Анвер Махмуд – этнический турок, уже восемь лет имеющий гражданство этой страны. За утерю собствен-

ного паспорта и использование незаконных документов ему, в худшем случае, грозил штраф в Канаде размером в две тысячи долларов и тюремное заключение на срок до двух лет. Но если учесть, что подложными документами он пользовался вне территории Канады и не успел причинить существенного вреда своими действиями, то его вполне мог ожидать штраф, который он наверняка безотлагательно заплатит. И хотя он все еще оставался в Баку, у Райского не было сомнений, что канадский гражданин скоро отбудет на родину, а они потеряют и этот след. Именно поэтому он лично полетел в Москву на переговоры с Дронго, справедливо рассудив, что участие представителей российских спецслужб необходимо, так как фигура такого масштаба, как Райский, не могла остаться незамеченной во время его визита в Россию.

Он считал, что им немного не повезло. Именно в это время Дронго оставался на своей московской квартире, хотя вполне мог переехать в Баку. Но выбирать не приходилось, и они полетели в Москву.

– Добрый день, – чуть усмехнулся Райский, узнавший Дронго. – Вот мы еще раз и встретились, – добавил он, протягивая руку.

– Безо всякого желания с моей стороны, – откровенно пробурчал Дронго, здороваясь.

– Мовсаев, – представился поднявшийся из-за стола незнакомец. Он был ниже среднего роста, но крупная голова и широкие плечи несколько скрадывали этот недостаток, и когда он сидел, то казался человеком даже высокого роста.

– Надеюсь, вы знаете мое настоящее имя, – пробормотал вместо ответа Дронго.

– По-моему, это не совсем обязательно, – хмуро сказал Мовсаев, – весь мир знает вас под именем Дронго.

– Я буду считать это авансом за мою работу, – согласился Дронго и сел за стол.

– По-моему, все в сборе. – Светлицкий сел следом. Здесь он был явно в роли хозяина. Гости уселись рядом, несколько настороженно поглядывая на Мовсаева. Очевидно, он был незнаком и приехавшим. Дронго сел с краю, словно демонстративно подчеркивая свою независимость. Он подумал, что это слишком демонстративно. Но, видимо, так подумал и Светлицкий. Поэтому он улыбнулся.

– Вы давно уже знаете друг друга. Для тех, кто не знает, я представляю полковника Арвара Мовсаева. Это один из наших лучших специалистов по Ближнему Востоку. Он однажды даже встречался с интересующим нас... – генерал хотел сказать «человеком», но передумал и, чуть запнувшись, нашел другое слово: – ...субъектом.

Генерал Райский кивнул в знак согласия, явно успокаиваясь. Видимо, он слышал о таком офицере, хотя никогда и не видел его. Дронго также кивнул. В отличие от приехавших у него не было столь обширной агентурной сети по всему миру и он не мог знать новых офицеров российской разведки, отличившихся на этой службе за последние несколько лет.

– Очевидно, прежде всего мы должны определиться с нашим другим гостем, – предложил Светлицкий, обращаясь к Дронго, – я понимаю, как вас удивил и насторожил визит вашего друга, предложившего столь необычную форму сотрудничества. Мы понимали, что нам вряд ли удастся убедить вас принять участие в подобной операции, поэтому сразу ответили решительным отказом на подобную просьбу со стороны приехавших. Кроме того, мы крайне неодобрительно относимся вообще к любым попыткам привлечения кого бы то ни было со стороны. Говорю об этом, чтобы у вас не было иллюзий. Я лично был категорически против вашего участия в операции, но наши гости посчитали, что их аргументы сумеют вас убедить. К сожалению, их аргументы убедили и наше руководство. И было принято решение обратиться к вам за... – он снова подумал и снова подобрал наиболее верное слово: – ...за консультациями по некоторым проблемам.

– Из всего сказанного я понял только то, что вы лично не желали моего появления на этой даче, – усмехнулся Дронго. – Рад, что наши желания так совпадают. Так какие именно аргументы привели наши гости, если вы решились все-таки вытащить меня сюда?

От него не укрылось легкое презрение на тонких губах Мовсаева при этих словах. Очевидно, полковник тоже был в числе тех, кто считал приглашение эксперта со стороны не только нежелательным, но и вредным.

– В разведке не принято посвящать в свои проблемы посторонних людей, – сухо сказал генерал, – полагаю, что вы на меня не обижаетесь. Мы все знаем и ценим ваши прошлые заслуги. Но вот уже сколько лет вы гражданин другого государства и, прошу прощения, бывший эксперт-аналитик ООН. Согласитесь, что у нас есть все основания не прибегать к вашим услугам. Надеюсь, вы понимаете, что здесь нет ничего личного?

– Именно поэтому я все еще сижу на своем месте, – холодно ответил Дронго. – Могу я все-таки узнать, для чего пригласили меня? Или только для того, чтобы я выслушал эту очень содержательную лекцию?

Генерал взглянул на Мовсаева, потом на других, покачал головой, словно разрешая им говорить. Райский оценил это именно как разрешение.

– Дело в том, – осторожно начал представитель МОССАД, – что нам нужны именно вы. Получается, что вы практически единственный человек, кто может оказать реальную помощь в сложившейся ситуации.

– Про вашего террориста я уже слышал, – кивнул Дронго, – но первый раз только вчера вечером от своего бывшего товарища. Я никогда им не занимался, никогда не вел подобных дел. Искать террористов по всему миру – это не мой профиль. Очевидно, вы просто не учли мою специфику.

– Нет, – хмуро возразил Райский, – мы учли все. Вы напрасно думаете, что мы в восторге от перспективы сотрудничества с таким неуправляемым экспертом, как вы. Но действительно вы практически единственный человек, который может что-то сделать, – убежденно повторил он. – Дело в том, что Ахмед Мурсал планирует акцию устрашения. И самое неприятное, что недавно он побывал в Баку.

– Где? – изумился Дронго, поняв теперь, что именно недоговорил Павел.

– Вы не ослышались. Именно в Баку.

– Что ему там делать? И почему именно там?

– Этого мы пока не знаем. Но он приехал туда несколько дней назад.

– Вы уверены, что это был он?

– Практически да.

– Как вам удалось установить, что он полетел в Баку?

– Мы получили сообщение нашей агентуры, – чуть запнувшись, сказал Райский. – Но, к сожалению, мы опоздали. Он сумел уйти.

– Надеюсь, вы не собираетесь предложить мне искать его там, чтобы потом ваши агенты могли его ликвидировать? У вас же есть «особая группа возмездия».

– Нет, конечно. Мы бы обошлись в таком случае и собственными силами, – пожал плечами Соловьев. – И даже если мы бы вас попросили о подобном... Я, честно говоря, не понимаю, почему вы обижаетесь? В конце концов, это международный террорист, от которого отказались абсолютно все страны. В том числе Иран и Сирия, считая его неуправляемым анархистом. Но мы обратились к вам не за этим. Дело в том, что, по нашим сведениям, он планирует акцию, которая в конечном счете должна вызвать новую антииранскую истерию.

– Я могу умереть от неожиданного разрыва сердца, – разозлился Дронго, – если узнаю, что представители израильских спецслужб прилетели в Москву защищать бедных иранцев. Вам не кажется, что это уже чересчур?

– Нет, не кажется, – сразу парировал Соловьев, – у нас действительно не очень хорошие отношения с Ираном, мало того, даже враждебные. Но именно поэтому мы хотим знать, что именно планирует Ахмед Мурсал. Мы уже научены горьким опытом. И его антииранская акция обернется новыми взрывами или убийствами наших граждан. Ему нужно просто убе-

дить весь мир, что это сделала одна из проиранских группировок. Такой акцией устрашения он, во-первых, сводит счеты с иранскими спецслужбами, отказавшимися финансировать его дикие акции в Европе, а во-вторых, наносит удар по хрупкому миру на Ближнем Востоке. Мы обвиним иранцев, потом, соответственно, палестинцев. Те сразу заявят, что это наша провокация. Вот вам и новый виток напряженности. Наше правительство совсем не желает подобного развития событий.

– Я все-таки не понимаю, что именно вы хотите? И почему считаете, что могу помочь именно я?

Райский посмотрел на Светлицкого, словно попросив у него помощи. Тот понял этот взгляд.

– По нашему договору с Азербайджаном наши представители не имеют права работать в Баку, – сердито сказал генерал, – мы взяли на себя взаимные обязательства не работать друг против друга в рамках стран Содружества. Мы не можем послать в Баку нашего специалиста. Конечно, российский посол в Баку Александр Блохин будет предупрежден, наши специалисты на месте постараются оказать вам любую посильную помощь. Но нам нужен там именно независимый эксперт, который формально не является сотрудником российских спецслужб.

– В таком случае это могли бы сделать наши гости, – предложил Дронго.

– Уже пытались, – мрачно ответил Райский, – он ушел от нас в Баку, а до этого разгромил нашу резидентуру в Ливане и убил нашего агента в Европе. Мы должны точно знать, что он планирует. Если начал активные действия, то времени у нас не так много. Кроме того, нам еще нужно найти человека, который бы ориентировался в местной обстановке.

– Вы не можете найти еврея – выходца из Баку? – засмеялся Дронго. – По-моему, подойдет даже сидящий здесь Павел.

– Я не сказал главного, – продолжал Райский, – этот человек должен будет отправиться в Иран и попытаться убедить их спецслужбы сотрудничать с нами. А для такой задачи наш агент не совсем подходит. Нам нужен независимый и нейтральный посредник. Но самое важное, что на его месте должен быть аналитик, который сумеет понять, действительно ли иранцы хотят остановить Ахмеда Мурсала или их разногласия – всего лишь надуманная форма маскировки для оправдания будущих террористических акций. И почему он появился именно в Баку, рядом с Ираном.

– А вам не кажется, что вы возлагаете на будущего посредника слишком непосильную ношу? – спросил Дронго.

– Не кажется, – вмешался на этот раз Светлицкий, – все гораздо сложнее, чем вы думаете, Дронго. Гораздо сложнее. И мы не просто так собрались на этой даче, чтобы обсуждать проблему террориста-одиночки, пусть даже и такого гениального, как Ахмед Мурсал. Мы бы справились с этой проблемой и без вашей помощи. Дело совсем в другом.

Он почему-то посмотрел на Мовсаева, потом на Райского и наконец сказал:

– Он готовит крупную террористическую акцию, на что ему выделены большие деньги... – генерал явно медлил, не решаясь сказать то, что должен был сказать. Все с некоторым напряжением следили за ним. – Ему выделили очень большие деньги, – повторил генерал с некоторым усилием. Вдохнул и, словно решившись наконец «прыгнуть в воду», быстро добавил: – Мы не знаем, где и как собирается нанести свой удар Мурсал, но если он появился в пределах СНГ, то это уже само по себе достаточно серьезно. И мы обязаны принять меры к тому, чтобы остановить террориста.

– Вы думаете, он планирует террористический акт в Баку, – спросил Дронго, – чтобы свалить все на иранцев?

– Это было бы слишком просто, – вздохнул Райский, – и слишком примитивно. Вряд ли он собирается предпринять что-то серьезное в Баку, если это, конечно, не нападение на наше посольство в этой стране. Мы на всякий случай усилили меры безопасности, но для такого

террориста, как Ахмед Мурсал, нападение на наше посольство слишком локальная задача. Он наверняка придумал нечто более неприятное. И в первую очередь – против нас.

Дронго не понравилось выражение лиц сидящих за столом. Как будто Светлицкий все-таки что-то недоговаривал, а сотрудники МОССАД знали об этом, но предпочитали молчать, соблюдая правила игры. В свою очередь представители МОССАД явно хотели уточнить многие детали без своих российских коллег. Это было видно по тому напряжению, которое возникло в конце беседы. Он хотел уточнить еще многие детали, но решил промолчать, поняв, что каждая из сторон хотела бы поговорить с ним наедине.

– Хорошо, – сказал Дронго, – я согласен.

Райский быстро поднялся. За ним встали остальные.

– Мы будем ждать вас в отеле «Савой», – сказал представитель МОССАД и, кивнув всем на прощание, вышел из комнаты. Павел поспешил за ним.

– Вы не могли бы задержаться? – с улыбкой спросил Светлицкий. – Я только провожу гостей.

– Конечно, – любезно ответил Дронго, – я так и полагал, вы захотите угостить меня чаем. Мовсаев неожиданно улыбнулся. Первый раз за все время беседы.

Севиля. 25 марта 1997 года

Весь день дул противный ветер, и он не стал выходить из дома раньше условленного времени. К половине пятого он наконец поднялся с постели, начал медленно одеваться. Глядя в зеркало на свою мрачную физиономию, он с отвращением отвернулся. Ему не понравилось собственное выражение лица. «Как у покойника, – зло подумал он, – бледное и застывшее».

Давал о себе знать перенесенный гепатит. Он прилетел из Африки только три месяца назад и все это время болел, проведя половину срока в больнице. Гепатит, который он получил, протекал особенно неприятно на фоне его полуразложившейся печени, ослабленной дикими дозами алкоголя, которым он часто и много злоупотреблял. Получить такую болезнь, как гепатит, – это наверняка обречь себя на скорое развитие такой болезни, как цирроз печени. А к чему это могло привести, он хорошо знал. Его отец умер от этой болезни, да и дед, кажется, не был никогда особым трезвенником. Деньги к тому времени почти кончились – за больницу и лечение приходилось платить огромные суммы.

Он так не хотел ехать в эту проклятую Намибию. Но его уговорили, пообещав большой процент с предстоящей сделки. Сделка сорвалась, уговоривший его Луис остался навсегда в Намибии с пробитым черепом, а ему самому с трудом удалось выбраться из Видхука, где его уже искали. Перебравшись в Ботсвану, он умудрился подцепить эту проклятую болезнь и уже там каким-то чудом сесть на самолет, летящий в Марокко. Еще повезло, что его пустили в Испанию, не обратив внимание на желтые белки глаз. Иначе ему пришлось бы проходить карантин в гораздо худших условиях и он должен был бы лечиться где-нибудь в марокканском госпитале, где шансы на выживание и смерть были неравны. Примерно один к пяти. С подобной перспективой он мог очутиться в госпитале и навсегда остаться в Африке, которую он так ненавидел.

На кредитной карточке оставалось не больше пяти тысяч долларов, когда ему позвонил Арман. Это был единственный человек, который знал, куда звонить и как его искать. Он сам дал ему свой телефон, едва прибыв в Севилью, словно предчувствуя, что развитие болезни будет долгим и неприятным.

Он отложил свою кожаную куртку, собираясь надеть ее перед тем, как выйти. Затем он еще раз с отвращением взглянул на себя. Если Арман увидит его в таком виде, он, вполне возможно, захочет отказаться от сотрудничества с ним и тогда ему придется что-нибудь придумывать, прежде чем возвращаться домой в Цинциннати, имея жалкие несколько тысяч долларов и «приятную» перспективу остаться вообще без денег.

Майкл Уэйвелл в третий раз посмотрел на себя в зеркало и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Собственно, это и не было квартирой. Это была всего лишь небольшая комнатка на третьем этаже, которую он снимал в старой части города, на тихой улочке. Выйдя из дома, он поспешил на юг, в сторону нового города, торопясь быстрее покинуть эти запутанные кривые улочки старой Севильи.

Уэйвеллу было сорок восемь лет. Половину жизни он провел в разъездах, вербуясь в наемники, нужные по всему миру. Он успел дважды повоевать в Африке, побывать в охране одного президента маленького островного государства, помочь устроить переворот в другой, еще меньшей, но уже южноамериканской стране, и даже попытаться поймать удачу во французском Иностранном легионе. Он был типичным представителем того многочисленного племени ловцов счастья, которые рыскали по всему свету в поисках удачи и денег. Иногда можно было сорвать огромный приз, и тогда покупка домика на родине и безбедное существование были гарантированы. Еще чаще выигрыш оказывался столь незначительным, что на него можно было лишь провести время, прожигая жизнь несколько месяцев, чтобы потом опять с головой окунуться в какую-нибудь авантюру.

Уэйвелл не был наемным убийцей, выполняющим заказы клиентов. Конечно, во время странствий ему много раз приходилось убивать, спасая собственную жизнь, но он был скорее авантюристом, чем киллером, хотя Эррера знал, что Уэйвелл никогда не откажется от любого поручения. Лишь бы оплата соответствовала его представлению о риске.

Они договорились встретиться у собора Ла Хиральда, одного из самых известных храмов города. Собственно, сама колокольня собора была в двенадцатом веке минаретом главной мечети мусульманского города. Почти полтысячи лет продолжалось здесь господство арабов, наложившее неизгладимый отпечаток на саму архитектуру города. Но владычество арабов не прошло бесследно и для населения самого города, где можно было встретить перемешанные типы различных народов, когда лавочник или бакалейщик походил одновременно на испанского кабальеро с севера и арабского шейха с востока.

Севиля была отвоевана у арабов, а сама мечеть к концу шестнадцатого века перестроена в католический собор, при котором башня минарета была использована под колокольню.

Уэйвелла не интересовали подобные исторические изыски, и он с отвращением отвернулся, когда разговорчивый гид провел мимо него толпу любознательных туристов из Англии, рассказывая им об истории храма. Для Уэйвелла этот город был самым поганым местом на земле, он даже не замечал ослепительной красоты вечерней Севильи, отраженной в водах Гвадалквивира.

Ждать Армана пришлось не больше десяти минут. Тот появился внезапно, словно возник из-под земли. Он направлялся к Уэйвеллу своей привычной, немного танцующей походкой, отчего тот поморщился. Арман Эррера был его давним знакомым и постоянным заказчиком разного рода поручений. Но он был гомосексуалистом, а для Уэйвелла это было особенно неприятно. Может, оттого что в детстве он едва не стал жертвой насилия подобного типа. Может, оттого что его самого слишком интересовали женщины, но танцующая походка Эрреры вызывала у него плохо скрываемое отвращение. Однако встреча была для него очень важна. Она, очевидно, была важна и для Эрреры, если он согласился прилететь на встречу в Севилью, рискнув сесть на самолет, который он терпеть не мог.

Уэйвелл пошел навстречу своему знакомому. Подойдя, он просто кивнул ему. Церемонии были ни к чему.

– Ты выглядишь не очень хорошо, – сказал вместо приветствия бесцеремонный Эррера.

– А я не модель на подиуме, чтобы красить свою рожу, – огрызнулся Уэйвелл. – Зачем приехал? Если опять хочешь послать меня куда-нибудь к черномазым, то знай, что на этот раз я потребую половину денег вперед.

– Нет, – улыбнулся Эррера, поднимая руку с браслетом, – можешь не волноваться. Оттуда у меня больше нет заказов.

– Мы потеряли там все, – мрачно заметил Уэйвелл, – а Луис остался там с проломленной головой. Я столько времени провел в этом городе в больнице. Может, ты мне объяснишь, кто оплатит мои издержки?

– Я, – нагло ответил Эррера, – я готов оплатить все твои расходы и дать тебе шанс заработать.

– Опять? – нахмурился Уэйвелл. – В какую дыру ты засунешь меня на этот раз?

– В самое прекрасное место на земле, – расхохотался Эррера. – В такое место, куда мечтают попасть миллионы людей со всего мира.

– Надеюсь, что это не ад, – пробормотал Уэйвелл.

– Нет, дружище, это рай. Я хочу предложить тебе отправиться во Францию, на Лазурный берег, и снять виллу в Сен-Тропе.

– Перестань шутить, – разозлился Уэйвелл, – куда мне придется отправляться на этот раз?

– В Сен-Тропе, – снова рассмеялся Эррера, – я приехал сюда, чтобы отправить тебя на Лазурный берег.

Москва. 25 марта 1997 года

После ухода гостей в комнате словно разрядилось напряжение. И хотя Мовсаев по-прежнему молчал, внимательно вслушиваясь в разговор, улыбка уже несколько сгладила его внешне малопривлекательный облик, и Дронго чувствовал себя гораздо увереннее. Но абсолютно раскованным стал генерал Светлицкий. Он не хотел признаваться даже самому себе, что, несмотря на шесть лет, прошедших после распада СССР, несмотря на давно распущенный и расформированный КГБ, где он начинал свою деятельность, несмотря на полную смену внешних ориентиров его нынешнего государства, он по-прежнему воспринимал такие организации, как ЦРУ или МОССАД, в качестве естественных соперников, от которых в любой момент можно ждать любого подвоха. Проживший сорок лет при советской идеологии и воспитанный в таком духе, он с трудом отказывался от привычных штампов, даже понимая, что это издержки идеологии, а на дворе новые времена.

Тем не менее, проводив гостей, он вернулся к столу в более веселом настроении и громко попросил у кого-то из помощников, очевидно, находившихся за дверью, принести им горячего чая. И только после этого спросил у Дронго:

– Ну как они вам, понравились?

– Если вы спрашиваете о генерале Райском, то он мне лично всегда был не очень симпатичен. Слишком осторожен и подозрителен. Одна наша беседа с ним даже проходила у него в машине, когда мы надели на себя специальные шлемы для полной блокировки любых методов прослушивания. Если вас интересует мой университетский товарищ, то Павел, конечно, изменился, но не настолько, чтобы я мог изменить о нем свое мнение. И наконец, если вы спрашиваете вообще о МОССАД, то я никогда не скрывал, что считаю эту организацию одной из самых опасных и самых сильных спецслужб в мире.

– Почему опасных? – быстро уточнил Светлицкий.

– Во-первых, потому что они сильные. Во-вторых, у них мощная агентура. Ну, а в-третьих... – он чуть замялся, подыскивая слова, – они действительно не любят привлекать к сотрудничеству посторонних людей, тем более если этот посторонний не связан с ними общими узами религии и местом рождения. Собственно, их агентура держится на многочисленных лоббирующих группировках во всем мире и на общности интересов представителей их народа. Поэтому я всегда буду потенциально чужим для них, как и ваша служба, к которой они тоже сохранили традиционно скептическое отношение.

– Я не буду спрашивать, почему вы употребили слово «тоже», – усмехнулся Светлицкий, – впрочем, это, наверное, общая черта всех разведчиков в мире – не очень доверять представителям других спецслужб.

– И не только, – покачал поднятым пальцем Дронго, – насколько я понял, они вышли на вас не из чистого альтруизма и уж наверняка не потому, что хотели с вашей помощью найти меня. Бывшая агентура Первого главного управления КГБ СССР имела очень неплохие позиции на Ближнем Востоке, когда палестинцы и сирийцы рассматривались как естественные союзники в борьбе против Израиля. Они убеждены, что вы до сих пор располагаете рычагами влияния на таких террористов, как Ахмед Мурсал. Я уже не говорю о ваших возможностях и связях с иранской разведкой, куда агентам МОССАД вход явно заказан.

Он видел, с каким интересом слушает его Мовсаев. На последней фразе Мовсаев чуть изменился в лице, но по-прежнему не произнес ни слова. Светлицкий прикусил нижнюю губу.

– Вы бываете иногда слишком категоричным, – упрекнул он Дронго.

– Я аналитик, – возразил тот, – моя задача четкий анализ и возможный прогноз развития ситуации. В эти функции не входит говорить вам комплименты и делать вид, что ситуа-

ция развивается нормально. Скорее всего израильтяне полагают, что вы действительно сумеете вмешаться в ситуацию и остановить террориста до того, как он начнет действовать.

– Боюсь, вы не совсем понимаете, о каком террористе идет речь, – возразил Светлицкий, – у нас никогда не было контактов с такими радикальными экстремистами, как Ахмед Мурсал. Его группировка одинаково плохо относится ко всем великим державам. Конечно, израильтяне для него всегда враги номер один. Но он одинаково ненавидит империалистов Америки и коммунистов Советского Союза, не делая между ними принципиальной разницы. И те и другие, по его глубокому убеждению, отъявленные безбожники, с которыми можно и нужно бороться любыми методами.

– Однако вы могли влиять на него через палестинцев? – спросил Дронго.

Молодой человек принес поднос с чаем и тарелку печенья. Поставив все на стол, он тихо удалился. Все время, пока он был в комнате, Светлицкий, верный своим привычкам, молчал. И лишь когда они снова остались одни, ответил:

– Раньше могли. Теперь нет. Он порвал с палестинцами, убив руководителя одной из их группировок хаджи Карима. Даже такая организация, как «Хезболлах», приговорила его к смерти. Он сейчас в положении загнанного волка и может решиться на любой, самый отчаянный поступок.

– Кто может финансировать его деятельность? Откуда он достанет деньги? – спросил Дронго.

Светлицкий посмотрел на Мовсаева. Тот, поняв, что вопрос адресован и ему, не очень охотно ответил:

– Возможно, египетские или алжирские радикальные группировки. Может, Ирак, хотя маловероятно, учитывая происхождение Ахмеда Мурсала и неприятие его отцом режима Саддама Хусейна. Деньги может дать кто-то из королевской семьи Саудовской Аравии, настроенный не очень благожелательно к американцам и, соответственно, к израильтянам.

– Значит, с деньгами у него проблем нет?

– Нет, – подтвердил Мовсаев, – думаю, что нет.

– Я хотел, чтобы вы остались для разговора, – перехватил инициативу Светлицкий, – нам крайне важно понять, что именно делал террорист такого масштаба, как Ахмед Мурсал, в Баку. Если он просто прилетел туда, скрываясь от преследования, это одно. А если с определенной целью, то совсем другое. Я уже не говорю о том, что Баку должен был стать самым крайним вариантом в его выборе места. Азербайджан граничит с Ираном, а Баку сейчас напшигован агентами иранских спецслужб, один из которых мог узнать Ахмеда Мурсала.

– Можно подумать, ваших агентов в Баку меньше, – пробормотал Дронго.

– Это стратегический пункт на Среднем Востоке, – пожал плечами Светлицкий, – раньше говорили: «Тот, кто владеет Баку, владеет всем Кавказом». Сегодня все войны и все конфликты так или иначе завязаны на Баку и бакинской нефти. Или вы считаете, что у России нет стратегических интересов в этом районе?

– У Ирана они тоже есть, – иронически заметил Дронго.

– Безусловно.

– Ага. И у вас они есть. И у американцев. И у МОССАД. Я думаю, американских и израильских агентов там не меньше, чем ваших.

Светлицкий наконец понял ернический тон Дронго и рассмеялся. Потом отрывисто бросил:

– Естественно. Каждая страна хочет обеспечить в этом регионе свои интересы. Думаю, не будет особого секрета, если скажу, что в Баку сейчас есть агенты не только великих спецслужб, включая английскую, китайскую или французскую разведки. Там сейчас настоящий город шпионов. Есть армянские, грузинские, даже чеченские представители, работающие на свои спецслужбы.

– Лучше бы вас всех было поменьше, – со вздохом сказал Дронго, – тогда и в городе было бы поспокойнее.

– Не уверен. Впрочем, это дискуссионный вопрос. Никто не виноват, что именно в азербайджанском секторе Каспийского моря сосредоточены самые большие запасы разведанной нефти и Баку является исходной точкой для нефтепровода, подающего нефть и газ на мировые рынки.

– Город шпионов, – повторил выражение генерала Дронго, – зачем тогда такому террористу, как Ахмед Мурсал, лезть в этот город, рискуя нарваться на представителей спецслужб? Здесь что-то не так. Какая-то нестыковка.

– Во всяком случае, они его арестовать не смогли. Как я понял, вместо него был арестован совсем другой человек, которого скоро отпустят. Именно поэтому они срочно вышли на такого признанного эксперта, как вы, чтобы попытаться решить проблему. Хотя я уверен, что сейчас они задействовали всю свою агентуру, и не только в Баку.

– Чего они хотят, я примерно представляю, – улыбнулся Дронго, – но меня больше интересует, чего хотите вы. Неужели и в самом деле вы действуете из чисто альтруистических мотивов? Я должен вам поверить?

– Нет, – сразу сказал Светлицкий, – конечно, нет. Нам очень важно сотрудничество с МОССАД. Россия как правопреемница Советского Союза потеряла практически все свои позиции на Ближнем Востоке. Если раньше СССР наряду с США были главными арбитрами в ближневосточном урегулировании, к которым все прислушивались, то теперь мы играем даже не вторые роли. Отказавшись поддерживать палестинцев, мы потеряли бывших союзников, которые переориентировались на американцев. В этих условиях наша позиция на Ближнем Востоке, мягко говоря, не очень впечатляющая. Это первый мотив. Существует и второй. Как вы заметили, израильтяне, да и не только они, до сих пор считают, что такие радикальные группировки финансируются нашими спецслужбами. И если раньше мы действительно прибегали к услугам людей такого сорта, то теперь мы не имеем не только финансовых, но и моральных обязательств перед ними.

И наконец, третье обстоятельство, но отнюдь не самое маловажное. В рамках СНГ наши позиции наиболее слабы именно в Азербайджане. В Грузии мы имеем три военные базы, с Арменией подписано соглашение о совместной обороне, там расположены наши войска. Наши пограничники охраняют внешние границы Армении и Грузии по всей протяженности границ бывшего СССР. Но совсем другая ситуация в Азербайджане. Если не считать небольшой радиолокационной станции в Габале, находящейся в одном из сельских районов Азербайджана, мы не имеем в этой республике ни собственных военных баз, ни своего воинского контингента, ни пограничников, охраняющих внешние границы стран СНГ. И это в условиях, когда к концу года из Баку должна пойти первая нефть. Нужно еще объяснять, или вы уже поняли? Да, нам крайне важно знать, почему террорист такого масштаба, как Ахмед Мурсал, выбрал одним из пунктов своего маршрута Баку. И почему азербайджанские власти не смогли арестовать его в аэропорту. А может, не захотели? Тогда где он и как нам его искать? В этом вопросе мы действительно хотим сотрудничества с МОССАД.

В комнате наступило молчание. Потом Дронго взял свой стакан с остывшим чаем, попробовал, поставил обратно на стол и сказал:

– Серьезные причины. И вы считаете, что все эти задачи может решить один человек, а точнее, такой эксперт, как я?

– Нет, – честно признался Светлицкий и широко улыбнулся, – мы так совсем не считаем. Именно поэтому в Баку вы поедете не один. С вами полетят сотрудники группы особого назначения под командованием полковника Мовсаева. В случае, если вам будет сопутствовать успех, сотрудники группы помогут нейтрализовать террориста и вывезти его на территорию России. Прежде чем отдавать его МОССАД, мы хотели бы задать ему несколько неприятных вопросов.

И очень рассчитываем получить вразумительные ответы, от которых, возможно, будет зависеть не только наша ближневосточная политика, но и политика в странах СНГ в будущем.

– А если я откажусь?

– Откажетесь, – задумчиво повторил Светлицкий. – Я все время думаю, глядя на вас, что вы посвящены в секреты слишком многих людей и организаций. И вы думаете, что, отказавшись, сможете спокойно спать у себя дома?

– Это угроза?

– Вы же знаете, что нет. Это реальность нашего времени. Вы неплохой аналитик, Дронго, и должны понимать, что возможности отказа исключены. Они существовали до нашего разговора. Теперь их уже нет.

– Но вы понимаете, что для успешной работы в Баку мне нужно будет выйти на спецслужбы Азербайджана и попытаться понять, что именно там произошло.

– Это ваше право, – согласился Светлицкий, – нас интересует результат. В МОССАД должны видеть нашу готовность к сотрудничеству. А как вы добьетесь успеха, это никого не волнует. Кроме того, насколько я понял, они готовы вам заплатить как частному эксперту. Надеюсь, что и это будет немаловажным фактором для вашей успешной деятельности в Баку.

– Да, – кивнул Дронго, – похоже, это единственное, что меня должно волновать.

Севиля. 25 марта 1997 года

Они удалялись от собора, уклоняясь от шумных и организованных групп туристов, спешивших осмотреть местную достопримечательность.

– Ты хочешь сказать, что есть работа на Лазурном берегу? – с понятным недоверием уточнил Уэйвелл.

– Есть, – усмехнулся Эррера. – Когда мне предложили найти подходящего человека, я сразу подумал о тебе.

– Я сейчас немного не в форме, но надеюсь, что довольно скоро приду в себя, – пробормотал Уэйвелл. – Выкладывай, какие у тебя новости.

– На этот раз тебе придется проводить время на курорте, – повторил Эррера, – в Сен-Тропе.

– Ты сказал об этом уже несколько раз, – заметил Уэйвелл, – может, объяснишь наконец, что ты имеешь в виду, говоря о Лазурном берегу?

– Южное побережье Франции, – пояснил Эррера, – тебе придется отправиться туда через неделю.

– Так, – рассудительно произнес Уэйвелл, – это я понял. Но зачем именно туда и что мне там нужно будет делать?

– Так ты согласен или нет?

– Ты еще не сказал, что я должен делать.

– Ничего. Ты должен снять виллу в Сен-Тропе, заплатив за три месяца вперед, и жить на вилле. Больше от тебя ничего не требуется.

Уэйвелл остановился. Взглянул искоса на своего знакомого, нахмурился.

– Надеюсь, ты не прилетел сюда, чтобы так глупо пошутить? – угрюмо спросил он. – Я тебя серьезно спрашиваю, что я должен делать и почему мне нужно поехать на Лазурный берег?

– Неужели ты думаешь, что я тебя обманываю? – залился смехом Эррера. – Ничего подобного. Если ты согласишься, уже завтра на твое имя будут переведены деньги для твоей будущей виллы в Сен-Тропе. Тебе останется только выехать во Францию. У тебя ведь все документы в порядке? Ты у нас еще и герой французского Иностранного легиона.

– При чем тут документы, – окончательно разозлился Уэйвелл, – ты можешь наконец объяснить, что именно я там буду делать? Хватит валять дурака!

– Я тебе уже объяснял, – повысил голос и Эррера. – Тебе нужно выехать туда, снять виллу и ждать, когда приедут другие люди. А потом просто покинуть виллу.

– И все?

– И все.

– Пошел к черту! – крикнул Уэйвелл, поворачиваясь спиной и явно собираясь уйти.

Эррера схватил его за руку.

– Что с тобой происходит? – тревожно спросил он.

– Отстань! – вырвался Уэйвелл. – Я не мальчик, чтобы со мной разыгрывать такие комедии. Что значит – снять виллу и ждать? А кто потом заплатит за нее? И как я потом уеду? Куда уеду, зачем? Или ты хочешь, чтобы я поработал на этой вилле обычным охранником? В таком случае ты обратился не по адресу.

– Подожди! – крикнул Эррера.

На них стали оборачиваться туристы. Эррера схватил за руку собеседника во второй раз и потащил в какой-то переулок.

– За эту операцию тебе обещали заплатить пятьдесят тысяч долларов. Я тоже внакладе не останусь, они готовы платить и мне. Если ты согласишься, мы встретимся с тобой через неделю в Сен-Тропе и я передам тебе деньги для виллы. Платить будешь наличными. Насчет

охранника глупая идея, на вилле будет семья консьержа. Тебе нужно только снять виллу, и больше ничего.

– И за это мне платят пятьдесят тысяч долларов? – все еще не мог поверить Уэйвелл.

– У меня с собой задаток в десять тысяч, – похлопал по своему карману Эррера.

Уэйвелл по-прежнему ничего не понимал. Но деньги были реальностью, которую он воспринимал.

– Согласен, – быстро сказал Уэйвелл, протягивая руку, – давай деньги. – Пачка долларов перекочевала из внутреннего кармана пиджака Армана Эрреры во внутренний карман кожаной куртки Майкла Уэйвелла.

– Что я должен конкретно сделать? – хмуро спросил Уэйвелл.

– Снять виллу, которую для тебя уже заказали, и жить там, по возможности меньше отлучаясь. Вот и все.

– Сколько стоит вилла?

– Примерно четыре тысячи долларов.

– Потрясающая цена. В месяц?

– В неделю, – усмехнулся Эррера.

Уэйвелл остановился. Он уже хотел резко высказаться и даже открыл рот, но вспомнил о деньгах, лежавших в его кармане. Машинально дотронулся до куртки. Пачка была на месте, приятно выделялась, ударяясь о грудь. Он потрогал деньги еще раз и тихо спросил:

– Зачем им такие сложности? За такую цену можно снять не одну виллу.

– Делай, что тебе говорят, – посоветовал Эррера, – и не задавай больше вопросов, а то тебе отрежут язык вместе с головой.

– Четыре тысячи долларов в неделю, – пробормотал Уэйвелл, – за такие деньги... Хорошо, я сниму виллу. И что мне делать дальше?

– Ничего. Просто жить. Можешь даже зарезервировать для себя автомобиль и раскатывать в нем. Но с условием, что каждую ночь будешь проводить только на вилле. А через некоторое время приедут гости от меня и ты, оставив им ключи, уедешь в Париж, где я вручу тебе остальную часть денег. По-моему, работа неплохая. Как раз для такого ослабленного болезнью организма, как твой. Согласись, что лучшей работы ты пока с такой физиономией не найдешь. Тебе повезло, Уэйвелл, а ты пытаешься разрушить собственное счастье своими руками.

– Пятьдесят тысяч долларов только за эту виллу, – облизнул губы Уэйвелл. Подлец Эррера был прав. Ему нужно либо отдохнуть где-нибудь месяца три-четыре, набирая силы и прежний вес, либо согласиться на это необычное предложение Армана Эрреры, которое выглядело почти фантастическим.

– Я согласен, – хриплым голосом сообщил Уэйвелл, – когда нужно выезжать? Объясни все по порядку...

Москва. 25 марта 1997 года

Вернувшись домой, он позвонил в «Савой» Павлу и договорился встретиться с ним в ресторане отеля сегодня вечером. Он понимал, что и гости из Тель-Авива захотят высказать свою точку зрения на сложившуюся ситуацию, а если возможно, и предложить помощь своих сотрудников в расследовании этого загадочного дела.

К отелю трудно было подъехать, и Дронго, отпустив машину еще до Кузнецкого моста, пожелал пройти пешком. Он еще раньше заметил ведущееся за ним наблюдение и, усмехнувшись, решил не тревожить своих наблюдателей излишним рвением. Он дошел до отеля, вошел в здание. В холле сидел Павел. Увидев Дронго, он встал, направился к нему навстречу.

– Ты приехал вовремя, – одобрительно сказал он, – на улице нас ждет машина. Мы приглашены на прием.

– Какой прием? – не понял Дронго.

– В наше посольство, – усмехнулся Павел, – поедem, а то нас там заждались.

Когда они вышли и сели в машину с дипломатическим номером, Дронго, улыбнувшись, спросил своего старого друга:

– Надеюсь, ваш прием в посольстве был придуман не ради меня?

– Ради тебя, – очень серьезно кивнул Павел.

– Ты знаешь, – заметил Дронго, – мне кажется, что в вопросах безопасности у вас у всех есть некоторые признаки паранойи. Тебе не кажется, что мы могли бы спокойно побеседовать и в другом месте?

– Если бы ты жил в Израиле, ты бы не относился так скептически к этим вопросам, – так же серьезно продолжал Павел, – мы просто обязаны делать все, чтобы выжить и обеспечить нашу безопасность.

Дронго промолчал. Он молчал всю дорогу, пока машина не въехала во двор израильского посольства. Охранники очень долго и тщательно проверяли документы обоих. И лишь после этого пропустили в здание, где немолодая женщина, проводив их до дверей, молча удалилась. В комнате, куда они вошли, сидел только один человек. Это был генерал Райский.

– Вы всегда находите выход из положения, – восхитился Дронго. – Я все время гадал, где именно вы будете со мной встречаться на этот раз и как мы сможем обеспечить секретность наших разговоров? Браво, генерал. Выдумка с приемом в посольстве – это блестящий ход.

– Садитесь, – Райский показал на стоявшее перед ним кресло. Он не воспринимал подобную лесть в свой адрес.

Дронго сел напротив генерала. Павел Гурвич разместился рядом.

– Я думаю, вы понимаете, что только чрезвычайные обстоятельства могли заставить нас прилететь в Москву, – начал генерал, – и тем более обратиться к вашей помощи.

– Об этом мы уже говорили. Не нужно каждый раз напоминать, как вам неприятно со мной работать.

– Нет, – чуть усмехнулся Райский, – я говорю об этом каждый раз, чтобы вы поняли всю серьезность ситуации. И, если хотите, ее уникальность. Ахмед Мурсал не просто террорист. Это террорист, которого ищут собственные друзья для того, чтобы прикончить. Наши традиционные меры борьбы с подобными экстремистами сейчас абсолютно не подходят. Он не входит в контакты с обычной сетью палестинцев или иранцев. Он не поддерживает никаких связей с бывшими товарищами. И самое важное, по нашим данным, он готовит террористический акт, собираясь подставить иранцев или симпатизирующие им группы, чтобы вызвать новый виток напряженности в отношениях между моей страной и проиранскими группировками по всему Ближнему Востоку.

– Вы говорите о «Хезболлахе»?

– И не только о них. Ясир Арафат и его сторонники с трудом поддерживают шаткое равновесие в наших отношениях, пытаясь хоть как-то обуздать собственных экстремистов. У нас подобных радикалов тоже хватает. И если сегодня пока не взрываются бомбы, то это заслуга обеих сторон. Ахмед Мурсал может нарушить равновесие. Это обойдется нам в сотни убитых. Поэтому ради того, чтобы не допустить нового срыва наших переговоров, мы готовы пойти на любые контакты, на любые меры.

– Вы думаете, он нанесет удар в Израиле? – Скорее всего нет. На этот раз он готовит нечто более оригинальное. Европа. Он осторожно набирает группу из людей, владеющих английским и французским языками.

– Почему об этом нужно говорить в вашем посольстве? Примерно то же самое вы уже сказали мне и при утренней встрече.

– Вы должны понять наше положение. У российской разведки есть собственные источники информации по такому террористу, как Мул.

– Как вы сказали?

– Мы называем так Ахмеда Мурсала. Его трудно переубедить, сами друзья называют его часто за упрямство Мулом. По гороскопу он Телец, а это знак упрямых и сильных людей. И очень злопамятных, не забывайте об этом, Дронго.

– У меня с ним несовместимость, – засмеялся Дронго, – я по гороскопу Овен.

– Вот его личное дело, – поднял папку Райский, – мы не можем выносить этот документ из посольства. Но вы можете знакомиться с ним столько времени, сколько нужно.

– В личном деле указаны его друзья?

– Конечно. Но боюсь, что друзей у него сейчас нет. Или очень мало. Хотя на нескольких вы можете обратить внимание. Вот этот мерзавец возглавлял нападение на нашу резидентуру в Бейруте, – генерал взял одну из фотографий, – Салех Фахри, кличка Красавчик.

– Ну и рожа, – поморщился Дронго, – представляю, как ему не нравится его собственная кличка.

– Это Арман Эррера. По нашим сведениям, он причастен к убийству нашего агента в Париже. Гомосексуалист, имеет обширные связи во Франции, но мы пока его не нашли. Думаю, это дело нескольких дней.

– Надеюсь, вы его не будете трогать до моего приезда в Париж?

– Не обещаю. Но постараемся. Вообще-то у нас принцип «око за око». Никто не должен уйти от возмездия.

– Библейские заповеди вы явно не соблюдаете, – сказал Дронго. – А как же ваши постулаты? У вас ведь религиозное государство?

– Во всем, что касается безопасности нашего государства... – начал Райский.

– Я все знаю. Мне уже объяснял все Павел. Перед тем как я начну знакомиться с делом Мула, четко изложите мою задачу.

– Первая и самая главная задача – найти Ахмеда Мурсала. Если при этом вы сумеете еще и выяснить, где и когда он готовит удар, то все остальное можете просто забыть. Однако не скрою, что нас интересует, во-первых, что именно делал в Баку Мул и как он оттуда исчез, если, конечно, действительно покинул пределы Азербайджана. Во-вторых, мы не возражали бы против вашей поездки в Тегеран и соответствующей информации, которую от вас могли бы получить иранские спецслужбы. Я думаю, им будет приятно найти убийцу хаджи Карима. И, соответственно, очень неприятно узнать, что новый удар в Европе, в котором обвинят иранские спецслужбы, вызовет такую волну антииранских настроений, что все новые контракты, заключенные за последние несколько лет, станут весьма проблематичными, если не сказать почти нереальными.

– Почему вы считаете, что в Тегеране мне поверят?

– Ваша репутация эксперта безупречна. Все знают, что вы не играете на какой-либо стороне. А заодно вы сможете прочувствовать, что происходит на самом деле. Действительно ли иранцы ведут двойную игру, устроив убийство одного из известных шиитских деятелей. Или они собираются найти и покарать убийцу. Хотя о последнем мы даже не просим. Достаточно, если они не будут ему помогать. Уже эта информация сама по себе стоит того, чтобы обратиться к вашей помощи. Вы согласны?

– Я все понял, – вздохнул Дронго, – вы снова пытаетесь втянуть меня в свои собственные игры. Или это вообще отличительная черта МОССАД?

– Мне иногда становится странно, что мы обратились именно к вам, – признался Райский.

– Вы не упомянули мой гонорар.

– Сто тысяч долларов. Разумеется, ваши поездки мы будем оплачивать отдельно. Гурвич выдаст вам пятьдесят тысяч в счет аванса и для текущих расходов.

– Расписка нужна?

– Конечно, мы же государственная организация. У нас деньги налогоплательщиков.

– А потом меня обвинят в сотрудничестве с иностранной разведкой, – пожал плечами Дронго.

– Это единственное, что вас беспокоит?

– Нет. У меня есть еще несколько вопросов. Во-первых, где именно был убит ваш агент в Париже? И как произошло нападение на вашу резидентуру в Бейруте? Мне нужны подробности, факты, различные мелочи. В общем, полная ситуация.

– Понимаю.

– Во-вторых, мне понадобятся личные дела всех возможных друзей Мула, оставшихся с ним, не порвавших даже после убийства. Не фотографии, а личные дела.

– Сделаем.

– И наконец, третье, полное невмешательство в мои дела. Расследование я веду сам, и мне не нужны ваши указания. Для связи можете оставить моего старого товарища.

– Хорошо. Офицер Песах Гурвич будет в вашем распоряжении.

– Спасибо. Я, кстати, не знал, что его уже не зовут, как раньше, Павлом. Теперь буду знать и про своего университетского товарища.

– Вы опять иронизируете? – нахмурился Райский.

– Нет. Я просто млею от счастья, – огрызнулся Дронго, пододвигая папку с документами на террориста.

Баку. 28 марта 1997 года

Они прилетели в Баку вчера днем. Трое одинаково молчаливых и совсем непохожих людей. Дронго, вспоминая подробности многих преступлений, совершенных Мулом за последние годы, был все время задумчив. Картина получалась безрадостной. Террорист был натурой эксцентричной, жестокой и деспотичной. А самое страшное, что его не могли остановить страдания беззащитных людей и кровь невинных жертв.

В последнее время, после того как он попал в больницу во Франции, Дронго с нарастающим удивлением и некоторым беспокойством отмечал, что у него чаще и сильнее болит сердце, о существовании которого он раньше и не подозревал. Перелеты на самолетах стали напоминать небольшую пытку, он часто задышался в воздушных лайнерах, стараясь не показывать окружающим то неприятное состояние панического удушья, которое охватывало его, едва он попадал в закрытое пространство самолетов.

Сидевший в самолете у окна Мовсаев вообще не отличался разговорчивостью. Он дремал все время, отказавшись даже от обеда. Только две рюмки коньяку попросил перед тем, как заснуть. Песах Гурвич, которого Дронго по-прежнему упрямо называл Павлом, напротив, пообедал с большим аппетитом и, достав журнал, углубился в чтение. Перемены, происшедшие в его бывшей стране, представлялись ему такими поразительными и невозможными, что чтение прессы делалось просто необходимым атрибутом выживания в этом непонятном для него новом мире.

Сегодня утром они были приняты в Министерстве национальной безопасности. Узнавший, что генерал МОССАД не приехал, а вместо него к нему на прием хотят попасть офицер МОССАД, сотрудник посольства и бывший международный эксперт-аналитик, министр решил, что принять эту необычную группу вполне может один из его заместителей, и поручил ему заниматься делом непонятого канадца, из-за которого разгорелся дипломатический скандал.

Чтобы не мешать расследованию и облегчить работу Дронго и Гурвича, полковник Мовсаев не стал официально заявлять о своем присутствии. Он прилетел в Баку как дипломат и сразу поехал в российское посольство для дальнейшей координации действий с местным резидентом СВР в Азербайджане.

Посольство Канады в Турции прислало в Баку своего специального представителя, потребовав немедленно отпустить задержанного гражданина своей страны и дать внятные объяснения по поводу его незаконного задержания. А прилетевшая группа, сформированная совершенно удивительным образом, только мешала завершению расследования.

Заместитель министра национальной безопасности Азербайджана принял гостей в мрачном настроении. Было неприятно, что именно ему поручено это кляузное, грязное дело.

– Мы уже во всем разобрались, – мрачно сообщил он гостям. – У канадского гражданина украли паспорт еще в Европе, и один из его знакомых предложил ему помощь через посольство Канады в Германии. Он сообщил нам имя своего знакомого, и мы послали запрос в Германию и передали все документы в канадское посольство. Если паспорт у него не в порядке, то это проблемы канадцев, а не наши. Завтра мы его депортируем в Германию, пусть там разбираются в посольстве. Азербайджанская виза получена им в нашем посольстве в Брюсселе. У нас нет никаких претензий к этому задержанному. И, соответственно, нет никаких оснований держать его у нас.

– Но по его документам границу пересек другой человек, – настаивал Павел Гурвич.

– Сейчас мы его ищем, – развел руками заместитель министра, – фактически мы имеем только один паспорт. Человек с именем Анвера Махмуда не пересекал больше нашей границы, тем более канадский гражданин. У нас в стране бывает не так много канадцев, чтобы мы о

них не знали. Он прилетел и через несколько дней улетел. И у нас нет никаких доказательств обратного.

– Но он врет, – нервничал Гурвич, – из Голландии прилетел не он. С его паспортом оттуда прибыл совсем другой человек, это же ясно. А улетал именно этот тип. Он все врет, проверка в Германии ничего не даст.

– Повторяю, у нас нет никаких доказательств, – сухо возразил заместитель министра, – по нашим сведениям, один человек въехал со своим паспортом в нашу республику и через несколько дней этот же человек с этими же документами пытался выехать. И мы его арестовали по вашей просьбе. Но вы не представили нам никаких доказательств. Извините, но мы должны депортировать задержанного в Германию. Пусть его посольство разбирается с ним на месте. Это не наше дело.

– Максимум, что ему грозит, это штраф за незаконное использование документов, – отметил Гурвич, – и то, если сумеют доказать, что документы были незаконными. Его адвокаты легко докажут, что документы настоящие.

– Это проблема канадских властей, – упрямо повторил хозяин кабинета.

Ему стали надоедать эти израильские представители, которые так тупо настаивали на своей несостоятельности. Он с легким презрением подумал о том, что хваленый МОССАД мог бы сработать и лучше. Сидевший напротив него Дронго молчал. Он понимал, что позиции обеих сторон по-своему справедливы и, не понимая позицию своего собеседника, невозможно принять другую точку зрения. Однако нужно было что-то предпринять.

– Простите, – неожиданно сказал он, обращаясь к заместителю министра, – но вы же можете разрешить нам поговорить с ним.

– Нет, – улыбнулся тот, – не могу. Вы граждане другого государства, а он гражданин третьего. Я не могу разрешить вам допрашивать его.

– Но я не гражданин Израиля, – тоже улыбнулся Дронго.

– Лучше бы вы помогали нам, – сказал заместитель министра, – у наших гостей и без того хватает помощников.

– А может, я помогаю и вам, – быстро отреагировал Дронго.

– В любом случае, разрешить не могу, – сухо ответил заместитель министра.

– Но мы могли бы побеседовать в вашем присутствии, – настаивал Дронго, – поймите, речь идет не только о безопасности Израиля. Это террорист международного уровня. Вполне возможно, что готовится акция в самом Баку. В таком случае вы лично будете виновны в этом террористическом акте. Мы еще можем его остановить или хотя бы понять, куда делся террорист.

Заместитель министра задумался. С одной стороны, есть строгая инструкция. С другой – Израиль был дружественной страной, а перспектива теракта могла оказаться вполне реальной. В Баку за последние годы уже привыкли к подобным трагедиям, когда террористы взрывали станции метро и автобусы, подкладывая бомбы против случайных людей.

– Хорошо, – согласился хозяин кабинета. – Но в моем присутствии.

– В таком случае дайте мне десять минут, – попросил Дронго, – только не мешайте, и я попытаюсь разобраться с этим типом.

– Надеюсь, вы не собираетесь избивать его в моем кабинете? – уже позволил себе пошутить заместитель министра.

Через пятнадцать минут в комнату ввели небритого и осунувшегося Анвера Махмуда. Он настороженно смотрел на присутствующих. Он уже знал, что это кабинет заместителя министра национальной безопасности. И знал, что его собираются депортировать в Германию. Поэтому чувствовал себя увереннее, чем в первые дни после ареста.

– Садитесь, – предложил хозяин. Он говорил на азербайджанском, и Анвер Махмуд его понимал.

– Когда меня отправят в Германию? – спросил задержанный.

– Пока трудно сказать, – ответил заместитель министра, – но у нашего друга есть к вам несколько вопросов.

– Какого друга? – насторожился задержанный.

– Решение о вашей депортации в Германию будет пересмотрено, – холодно сообщил Дронго, – вы будете преданы суду в Азербайджане за незаконный переход границы.

– Вы с ума сошли? – возмутился Анвер Махмуд. – Я – канадский гражданин и прилетел из Голландии...

– Эту сказку расскажете в следующий раз, – жестко перебил его Дронго. – В вашем самолете один из туристов снимал камерой свою семью. И в кадр случайно попал настоящий Анвер Махмуд, который сидел на своем месте. Мы проверили по регистрации в компании «КЛИМ», это был именно он. Вы самозванец, выдающий себя за Анвера Махмуда. У нас на пленке совсем другой человек. Очевидно, вы убили этого человека и выдали себя за него, чтобы покинуть республику.

– Нет! – закричал Анвер Махмуд. – Это я, это мой паспорт. Он прилетел по моему паспорту.

И, только выкрикнув это, он с ужасом понял, что выдал себя, настолько неожиданным и страшным было сообщение о камере и съемках в самолете. Заместитель министра одобрительно кивнул. Ему очень понравилась выдумка с камерой.

– А когда прилетели вы? – быстро спросил Дронго.

– Мы... вы... мы... – несчастный закрыл лицо руками. – Они обещали мне деньги, – простонал он, – пять тысяч долларов.

– Когда прилетели вы? – не давая ему времени на раздумья, спросил Дронго.

– Две недели назад, – забормотал испуганный Анвер Махмуд, – мы прошли границу в Баку вместе с группой туристов из Турции.

– На чье имя у вас был паспорт? – быстро спросил заместитель министра, уже чувствуя удачу.

– На имя Намига Омара, – опустив голову, тихо прошептал задержанный.

– Какого числа это случилось?

– Шестнадцатого марта.

Заместитель министра поднял трубку телефона. Теперь он чувствовал себя на коне. Он даже забыл, как не хотел разрешать разговор задержанного с Дронго.

– Быстро проверьте, Намиг Омар, гражданин Турции, прилетел к нам шестнадцатого марта. Проверьте и подтвердите. Если он еще в Азербайджане, сообщите мне срочно. – Положил трубку и удовлетворенно вздохнул.

Гурвич от напряжения сжал пальцы. Он прожил в Баку достаточно много лет, чтобы понимать азербайджанский язык. Анвер Махмуд испуганно смотрел на Дронго.

– Что со мной будет? – тихо спрашивал он. – Меня расстреляют?

– Я думаю, до этого не дойдет, – улыбнулся Дронго, – вас все равно вышлют в Германию.

Раздался телефонный звонок. Заместитель министра быстро поднял трубку, выслушал сообщение и убитым голосом сказал:

– Да, я все понял. – Потом негромко произнес: – Намиг Омар покинул Баку двадцать третьего марта. Кажется, мы ничего не сумеем сделать. Он улетел в Турцию.

Павел разжал пальцы. Дронго покачал головой. Так глупо все сорвалось.

Баку. 29 марта 1997 года

В этот день Дронго ждал результатов официального расследования. В Министерстве национальной безопасности пообещали по возможности установить, с кем именно встречался уехавший турецкий коммерсант. В израильском и российском посольствах были усилены меры безопасности, а Гурвич и Мовсаев в этот день встречались с резидентами МОССАД и СВР в Баку и, соответственно, с послами обоих государств.

Дронго приехал в свою квартиру, которая была точной копией московской. С огорчением заметил слой пыли на книжных полках. Нужно будет позвонить, чтобы пришли и убрали. В Баку и в Москве он договаривался с женщинами, которые приходили к нему убирать квартиры раз в неделю, избавляя его от утомительной процедуры.

Проверив комнаты, он прошел в спальню, чтобы немного отдохнуть. И в этот момент раздался звонок. Он огорченно посмотрел на телефон. Тот зазвонил еще раз. «Нужно поднять трубку», – с сожалением подумал Дронго.

– Слушаю вас, – несколько напряженным голосом сказал он.

– Здравствуй, – услышал знакомый голос отца, – ты сказал, что приедешь, но не позвонил.

– А откуда ты узнал, что я именно сейчас дома? – удивился он.

– Твоя соседка. Я попросил ее позвонить мне и сообщить, когда ты появишься. Надеюсь, ты не обиделся?

– Конечно, нет. Ты всегда умел придумывать невероятные и в то же время самые простые варианты.

Отец был настоящим профессионалом. Всю жизнь он работал в органах прокуратуры и лишь на старости лет ушел на пенсию, решив, что в его возрасте нужно уступать дорогу более молодым. Однако, несмотря на преклонный возраст, он сохранил невероятную ясность ума и аналитическое мышление, которое передалось и сыну.

– Это не вариант, – возразил отец, – это самый легкий способ тебя найти. Когда ты приедешь к нам?

– Прямо сейчас, только приму душ.

Через час он сидел в доме родителей. И счастливая мать приносила с кухни все новые блюда. Отец сидел напротив и слушал неторопливый рассказ Дронго о случившихся за последние дни происшествиях. С самого детства они договорились не скрывать друг от друга ничего, и почти сорок лет придерживались этого универсального принципа доверия в отношениях. Отец гордился своим сыном так же, как сын гордился своим отцом. Лет двадцать назад они даже умудрялись рассказывать друг другу о своих интимных проблемах, о которых обычно не говорят столь разные по возрасту люди. Сын советовался с отцом, а тот, вспоминая собственный опыт, предостерегал младшего от поспешных решений. Классический пример двух Дюма, когда отец и сын, несмотря на все разногласия и споры, были большими друзьями, был верен не только в жизни титанов, но и в жизни обычных людей.

Рассказывая о своей неудаче, Дронго добавил, что не верит в официальное расследование, но должен подождать еще несколько дней, пока не проверят все возможные варианты.

– Они применили оригинальный метод, – кивнул отец, – но мне кажется, что ты несколько поторопился с выводами и поэтому ошибся.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился сын.

– Из твоего рассказа я понял, что канадец прибыл в Азербайджан по документам турка, а тот прилетел, используя его документы. Потом они обменялись. Очень оригинально. Я правильно понял?

– Да, все именно так.

– Нет, не так, – убежденно сказал отец, – судя по твоему описанию, прилетевший позднее канадец – личность совершенно ничтожная, его использовали только в качестве подставки. Верно?

– Да. Но я пока не понимаю логики твоих рассуждений.

– Ты посчитал их комбинацию достаточно интересной и поэтому согласился принять ее как единственно правильную. Но мне кажется, что в твоих рассуждениях не было учета личности этого канадца турецкого происхождения. Как его звали? Анвер Махмуд. Ведь те, кто его подставил, наверняка понимали, что рано или поздно его задержат. Вернее, обязательно задержат в момент пересечения границы. Значит, люди, придумавшие эту операцию, вполне могли исходить из того, что он может выдать имя человека, с паспортом которого он пересекал границу. Улавливаешь мою мысль?

– Кажется, да. По-моему, я идиот.

– Нет. Просто ты видел перед собой конкретного человека и это сбilo тебя с толку. А мне легче было абстрагироваться, отталкиваясь от твоего рассказа. Таким образом, мы можем сделать вывод, что приехавший террорист, якобы поменявшийся с канадцем своим турецким паспортом, совсем не обязательно покинул республику именно по документам этого канадца. Они не поменялись друг с другом паспортами. Должен быть кто-то третий, кого канадец не знает. Иначе он может провалить операцию, а такой опытный террорист, как Ахмед Мурсал, вряд ли станет доверять свою жизнь столь ненадежному партнеру.

– Черт возьми, я обязан был догадаться об этом сам. Просто факт обмена паспортов показался мне таким интересным, что я не обратил внимания на такие детали.

– Ты сказал, что этот канадец турецкого происхождения прибыл с группой турок в Баку. Пусть проверят всю группу, все паспорта и все фамилии, – предложил отец, – там обязательно должен быть кто-то третий. Я не хочу утверждать, но здесь наверняка была не простая двух-ходовка по обмену паспортов, а многовариантный обмен с участием как минимум трех человек. Иначе мне нужно поверить, что террорист доверил свою жизнь такому типу, как Анвер Махмуд, а это противоречит логике.

– Я все проверю, – растерянно пообещал Дронго, – мне кажется, что я уже старею.

– Тебе просто пора обзаводиться собственной семьей, – ворчливо заметил отец.

Дронго улыбнулся и кинулся к телефону. Набрал номер Павла.

– Это я, – взволнованно сказал он, – кажется, мы немного поторопились. Сейчас выезжаю к нашему вчерашнему знакомому, а ты жди меня в вашем посольстве. Вполне вероятно, что появятся новые факты по известному тебе делу.

Бросив трубку, он поднялся, торопливо надевая пиджак.

– Ты еще не закончил обедать, – всплеснула руками мать, входя в комнату.

– До свидания. Я очень тороплюсь, – сын буквально выбежал из комнаты.

– У него действительно важные дела, – кивнул отец в ответ на недоумевающий взгляд жены.

Дронго приехал в Министерство национальной безопасности и позвонил из комендатуры заместителю министра. Конечно, тот не поднимал трубку, тем более когда звонили из комендатуры. Отвечала его секретарь, которая вежливо выслушала настойчивого посетителя и сообщила, что его запишут на прием, который состоится через четыре дня. Все попытки Дронго объяснить, что ему нужно срочно увидеться с ее начальником, разбивались о равнодушные девушки-секретаря, твердо усвоившей, что нельзя пришедшего с улицы человека сразу соединять с начальством. В конце концов, любой мало-мальски уважающий себя человек в Баку сначала обзаведется знакомыми и друзьями, которые позвонят заместителю министра, и только потом, предварительно договорившись о встрече, рискнет прийти на прием. Обычные посетители, не имеющие должных связей, должны были записываться в общую очередь и ждать неделями, а то и месяцами, пока их соизволят принять. Это относилось не только

к Министерству национальной безопасности. Подобные нравы были во всех организациях, а особенно в правоохранительных органах, где проситься на прием к ответственному лицу без связей и денег было не просто невозможно, но и глупо, так как любая просьба автоматически закончилась бы отказом.

Дронго понял, что ничего доказать не сможет, и вышел из комендатуры. Немного подумав, он решил поступить иначе и позвонил в российское посольство, попросив найти Мовсева. Того тоже искали достаточно долго, но потом все-таки соединили.

– Это я, – быстро сказал Дронго, – мне срочно нужна ваша помощь.

– Что случилось?

– В Баку есть ваше представительство российского Аэрофлота. Вы можете им позвонить, чтобы они меня приняли?

– Конечно. Я сам поеду туда, если нужно. А почему именно они?

– Нужно срочно проверить компьютерный банк данных. О приезде и отъезде. У меня нет доступа к информации, поэтому мне понадобится их помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.